

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН
Междисциплинарный центр исследований европейской общественной мысли
(Санкт-Петербург, Россия)

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Россия)

Вторая международная научная конференция

**Византия, Европа, Россия:
социальные практики и взаимосвязь духовных традиций**

22-24 сентября, Санкт-Петербург

ПРОГРАММА

г. Санкт-Петербург

Организационный комитет

Проф., д-р филос. наук *Владимир Вячеславович Козловский*, директор Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Россия) — сопредседатель

Проф., д-р филос. наук *Роман Викторович Светлов*, директор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Санкт-Петербург, Россия) — сопредседатель

Доц., канд. филос. наук *Алексей Павлович Козырев*, декан философского факультета Московского государственного университета (Москва, Россия)

Проф., д-р филос. *Тереза Оболевич*, зав. кафедрой философии религии, зам. декана философского факультета Папского университета Иоанна Павла II (Краков, Польша)

Проф., д-р филологии *Корнелия Ичин*, проф. Белградского университета (Белград, Сербия)

Канд. соц. наук *Руслан Геннадьевич Браславский*, зам. директора Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филос. наук *Алексей Эдуардович Савин*, зав. кафедрой философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Москва, Россия)

о. *Владимир Зелинский*, настоятель Православного Прихода Пресвятыя Богородицы Всех Скорбящих радость (Брешия, Италия)

Проф., д-р филос. наук *Златица Плашиенкова*, проф. философского факультета Университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)

Проф., д-р филос. наук, *Алексей Алексеевич Грякалов*, проф. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филос. наук *Евгений Анатольевич Маковецкий*, проф. кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т филос. наук *Николай Борисович Иванов*, доц. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т филос. наук *Елена Валентиновна Алымова*, доц. кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета, Русской Христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия)

Программный комитет

Доц., к-т филос. наук *Олег Николаевич Ноговицин*, старший научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Россия) — председатель

Проф., д-р филос. наук *Алексей Валерьевич Малинов*, проф. кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Проф., д-р филос. наук, *Галина Владимировна Вдовина*, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, зам. проректора по научной работе Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Москва, Россия)

Проф., д-р филос. *Стефано Мария Капилупи*, проф. Русской Христианской гуманитарной академии, предметный эксперт Римского государственного университета «Ла Сапьенца» (Санкт-Петербург, Россия / Рим, Италия)

Проф., д-р филос. наук *Дмитрий Игоревич Макаров*, зав. кафедры общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной Консерватории им. М. П. Мусоргского (Екатеринбург, Россия)

Доц., к-т филос. наук *Антон Александрович Иваненко*, доц. кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., д-р филолог. наук *Дмитрий Александрович Черноглазов*, доц. кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т филос. наук *Оксана Юрьевна Гончарко*, доц. Национального исследовательского университета ИТМО (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т филос. наук *Александр Николаевич Исаков*, доц. Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т ист. наук *Александр Александрович Сеницын*, доц. Русской Христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т ист. наук *Алексей Дмитриевич Пантелеев*, доц. кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т филос. наук *Лариса Грачиловна Тоноян*, доц. кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Доц., к-т филос. наук, *Дмитрий Сергеевич Курдыбайло*, доц. кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

22 сентября

Секция: Византия в западно-европейском и славянском контекстах

1 заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

Ведущие — доц. Тоноян Лариса Грачиловна (Санкт-Петербург), ст. науч. сотрудник Ноговицин Олег Николаевич (Санкт-Петербург)

10.30 — 14.00

Клецов Алексей Александрович (Саратов)

Эволюция понятий *νοῦς* и *πνεῦμα* в ранней эллинистической философской психологии: от стоиков до Филона Александрийского

Пантелеев Алексей Дмитриевич (Санкт-Петербург)

Бедность и богатство в раннехристианской традиции: от Нового Завета до начала III в.

Баранов Владимир Александрович (Новосибирск)

Одушевление тела в «О сотворении мира» Иоанна Филопона

Щукин Тимур Аркадьевич (Санкт-Петербург)

Иоанн Филопон и антиохийская космологическая традиция: линии пересечения

Ноговицин Олег Николаевич (Санкт-Петербург)

Между нравственной аллегорией и буквальным толкованием книги Бытия: экзегетический метод Иоанна Филопона в трактате «О сотворении мира»

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич (Санкт-Петербург)

О «седмиричном времени» в экзегетике Максима Исповедника

Черноглазов Дмитрий Александрович (Санкт-Петербург)

Десять типов единства в *Opusc. 18* Максима Исповедника: преемственность и новаторство в терминологии

Тоноян Лариса Грачиловна (Санкт-Петербург)

Логическая операция деления у Иоанна Дамаскина и Никифора Влеммида

14.00 — 15.00 — Обеденный перерыв

Секция: Византия в западно-европейском и славянском контекстах

2 заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

15.00 — 19.00

Ведущие — доц. Тоноян Лариса Грачиловна (Санкт-Петербург), доц. Синицын Александр Александрович (Санкт-Петербург)

Акишин Сергей Борисович (Санкт-Петербург)
Учение о богах в «Первоосновах теологии» Прокла и особенности его интерпретации у Николая Мефонского и Иоанэ Петрици

Алексеева Алина Сергеевна (Москва)
Освоение заимствованной терминологии в «Логике» Макария Петровича

Даниш Мирослав Йозефович (Братислава)
Научные взгляды словацкого византолога А. Авенариуса

Макаров Дмитрий Игоревич (Екатеринбург)
Бог и горизонты виртуального: размышления византолога над книгой К. Г. Фролова «Горизонты возможного. Очерки аналитической метафизики»

Тантлевский Игорь Романович (Санкт-Петербург)
Библейский «коррелят» наименования «Россия» как prooftext для обоснования доктрины «Москва — Третий Рим»

Богатов Михаил Александрович (Саратов), Сеницын Александр Александрович (Санкт-Петербург)
Античность — Европа — Россия: О «роковых интерпретациях» в языковом и культурном переводах, о власти, народе, красоте и русской культуре (замечания к тезисам Франсуа Федые)

Алымова Елена Валентиновна (Санкт-Петербург)
Трагедия Софокла «Эдип-царь» в интерпретации С.С. Аверинцева

Ищенко Нина Сергеевна (Луганск)
Ослепление претендента на престол в византийской и русской культуре

23 сентября

Секция: Европейская мысль от античности к модерну и ее рецепции в России

1 заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

Ведущие — доц. Иваненко Антон Александрович (Санкт-Петербург), доц. Паткуль Андрей Борисович (Санкт-Петербург)

11.00 — 14.00

Виноградов Дмитрий Александрович (Санкт-Петербург)
Предмет и метод первой и второй философии Аристотеля

Протопопов Иван Алексеевич (Москва, Санкт-Петербург)
Бесконечный разум как основание бытия чувственно воспринимаемых вещей, сообразно принципу причинности и взаимодействия в ранних произведениях Канта

Лёшев Владимир Алексеевич (Санкт-Петербург)
Генезис исторической и моральной религии в учении И. Канта

Ноговицин Олег Николаевич (Санкт-Петербург)
Суд совести в метафизике И. Канта: моральный, правовой и социо-религиозный контексты

Иваненко Антон Александрович (Санкт-Петербург)

Философия религии И.Г. Фихте и христианство

Паткуль Андрей Борисович (Санкт-Петербург)

Позитивная философия как преодоление онто-тео-логии: интерпретация поздней мысли Ф.В.Й. Шеллинга у Л. Тенгели

14.00 — 15.00 — Обеденный перерыв

Секция: Европейская мысль от Античности к Модерну и ее рецепции в России

2 заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 534

Ведущие — доц. Иваненко Антон Александрович (Санкт-Петербург), доц. Протопопов Иван Алексеевич (Москва, Санкт-Петербург)

15.00 — 18.00

Шевцов Александр Викторович (Москва)

Логическое учение Людвига Кондратьевича фон Якоба в контексте критической философии

Муравьев Андрей Николаевич (Санкт-Петербург)

Гегель об абсолютной религии как результате исторического развития религиозного духа

Тимофеев Александр Иванович (Санкт-Петербург)

Г.В.Ф. Гегель и А.Н. Бердяев: две концепции духа

Ляшко Илья Анатольевич (Санкт-Петербург)

Различие понятия и представления в философском наследии Э.В. Ильенкова и Г.В.Ф. Гегеля

Данилкина Наталья Валерьевна (Калининград)

К теории сообществ: Жак Маритен и Георгий Гурвич как философы интеграции

Маковецкий Евгений Анатольевич (Санкт-Петербург), Кузин Иван Владиленович (Санкт-Петербург) Соколов Евгений Георгиевич (Санкт-Петербург)

Мимесис и фантазия в основании искусства

Секция: Русская мысль между византизмом и европейской цивилизацией

1 заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 502

Ведущий — проф. Маковецкий Евгений Анатольевич (Санкт-Петербург)

11.00 — 14.00

Римский Виктор Павлович (Белгород), Римская Ольга Николаевна (Белгород)

Критика методологических парадигм и схем истории русской философии

Шевцов Александр Викторович (Москва)

О месте и положении Византийской философии в истории русской философии как цивилизационном проекте (К вопросу рецепции Византийской философии в истории русской философии второй пол. XIX — нач. XX в.)

Тонковидова Анна Викторовна (Краснодар)

Соборность и социальность в постсекулярную эпоху (на материалах творчества Николая Бердяева)

Зиновьева Анна Павловна (Санкт-Петербург)

Жизненные и академические траектории профессора Э.Л. Радлова

Бельчевичен Сергей Петрович (Тверь)

Россия и Запад в философии истории Д.С. Мережковского

Маковецкий Евгений Анатольевич (Санкт-Петербург)

Третий лишний: Адам Кадмон в метафизике любви Л.П. Карсавина (на материале Noctes Petropolitanae, Ночь 7)

14.00 — 15.00 — Обеденный перерыв

Секция: Русская мысль между византизмом и европейской цивилизацией

2 заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 502

Ведущий — доц. Кузин Иван Владиленович (Санкт-Петербург)

15.00 — 18.00

Лагутин Сергей Владимирович (Санкт-Петербург)

«Кризис русского византизма» Г. Флоровского: к вопросу о «затяжном русском молчании»

Куприянов Виктор Александрович (Санкт-Петербург)

Марксистское понимание науки: рецепция концепции Б.М. Гессена в СССР и за рубежом

Попов Дмитрий Алексеевич (Санкт-Петербург)

Музей в проекте русского космизма

Машукова Елена Юрьевна (Санкт-Петербург)

Антропологическая проблематика в эмигрантской литературе 30-40х годов (читая «Новый град»)

Левинская Яна Владиславовна (Краков)

«Религиозное и политическое»: к проблеме конструирования социоцентрической религии (подход Д.В. Пивоварова)

24 сентября

Пленарное заседание

Место проведения: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ауд. 530

Ведущий — ст. науч. сотрудник Ноговицин Олег Николаевич (Санкт-Петербург)

11.00 — 15.00

Грякалов Алексей Алексеевич (Санкт-Петербург)
Диалог, событие и субъект-свидетель: топо-модернизм

Ермичев Александр Александрович (Санкт-Петербург)
Русский духовный Ренессанс как культурный синтез

Светлов Роман Викторович (Калининград)
Великоросская ризома К.Д. Кавелина. Истоки описания Кавелиным исторического пути России

Исаков Александр Николаевич (Санкт-Петербург)
Диалектика Достоевского: спасительная сила детской жизни

Иванов Николай Борисович (Санкт-Петербург)
Мэйн экстрим, или записки охотника

Даренский Виталий Юрьевич (Луганск)
Апология Византии в новейшей русской историографии

Евлампиев Игорь Иванович (Санкт-Петербург)
Россия между Византией и Европой. Поиски цивилизационных оснований России в работах А. Герцена, К. Леонтьева и Вл. Соловьева

Стефано Мария Капилупи (Санкт-Петербург, Рим)
Эсхатологическое видение Иисуса и миллениаристические и тоталитарные наклонности русско-православной эсхатологии

Ноговицин Олег Николаевич (Санкт-Петербург)
Политическая теология в России конца XX — начала XXI вв. и ее европейский контекст

Аннотации докладов

Пленарные доклады

Грякалов Алексей Алексеевич / Alexey A. Gryakalov

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Диалог, событие и субъект-свидетель: топо-модернизм

В центре внимания вопросы формирования топологической субъективности в становлении от диалога к событию и формированию фигуры субъекта-свидетеля, соединяющего в себе понимание дискурсивных практик и экзистенциальную настроенность жизнестроения. Смещенные постмодернизмом силы модерна актуализируются в топологической рефлексии и субъективности по типам соотносительности и стяженности, образуя гетерогенную целостность. Такой ход к топо-логике представляет собой жест входа за пределы релятивизма и обращает к темам восстановления субъекта, творчества и утверждения жизни.

Dialogue, event and subject-witness: topo-modernism

The focus is on the formation of topological subjectivity in the formation from dialogue to event and the formation of the figure of the subject-witness, which combines the understanding of discursive practices and the existential mood of life-building. Displaced by postmodernism, the forces of modernity are actualized in topological reflection and subjectivity according to the types of correlation and constriction, forming a heterogeneous integrity. Such a move towards topo-logic is a gesture of entering beyond the limits of relativism and turns to the themes of the restoration of the subject, creativity and the affirmation of life.

Ермичев Александр Александрович / Alexander A. Ermichev

Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Russian Christian Academy for Humanities, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Русский духовный Ренессанс как культурный синтез

В конце XIX — начале XX века одним из субъектов русской культуры становится «религиозная общественность», порожденная разочарованием в результатах социальной истории императорской России. Идеологией «религиозной общественности» был христианский гуманизм, а создаваемая ею культура обретала характер синтеза, переходящего в синкрезу. Предполагалось, что этим снимались противоречия русской истории и открывался путь к ее лучшему будущему.

Russian spiritual renaissance as a cultural synthesis

At the end of the XIX — beginning of the XX century, the “religious community” generated by disappointment in the results of the social history of imperial Russia becomes one of the subjects of Russian culture. The ideology of the “religious community” was Christian humanism, whereas the culture it has been creating tended to acquire the traits of synthesis turning into syncretism. As was supposed, thereby the contradictions of Russian history were resolved and the perspective opened toward a better future for it.

Светлов Роман Викторович / Roman V. Svetlov

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, профессор, доктор филос. наук / Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Великоросская ризома К.Д. Кавелина. Истоки описания Кавелиным исторического пути России¹

«Ризоматическое» описание природы великоросса, которое принадлежит перу К.Д. Кавелина (и которое характерно как для раннего, так и для зрелого периода его творчества), коррелирует с представлениями ряда западных мыслителей о России, как о цивилизации/культуре, которой еще предстоит сбыться (О. Шпенглер, А. Тойнби). Западнические и славянофильские теоретики, как известно, полагали, что эта культурно-историческая недосказанность связана либо с тем, что Россия еще не достигла европейских норм жизни, либо же с тем, что европеец не в состоянии считать, понять и оценить подлинную природу русской души. Кавелин в конечном итоге не склоняется ни к одной из альтернатив. Это позволяет ему взглянуть на российскую историю нелинейным образом, что и становится истоком его концепции «типажа» великоросса.

Great-russian (“velikoross”) rhizome of K.D. Kavelin. The origins of Kavelin’s description of the historical path of Russia

“Rhizomatic” description of the nature of the ethnically great-russian (“velikoross”), which belongs to the K.D. Kavelin (and which is characteristic of both the early and mature period of his work) correlates with the ideas of a number of Western thinkers about Russia as a civilization/culture that has yet to come true (O. Spengler, A. Toynbee). Western-oriented and Slavophil theorists, as we know, believed that this cultural-historical incompleteness is connected either with the fact that Russia has not yet reached European standards of life, or with the fact that the European is not able to consider, understand and appreciate the true nature of the Russian soul. Kavelin ultimately does not lean towards any of the alternatives. This allows him to look at Russian history in a non-linear way, which becomes the source of his concept of the “type” of a great-russian.

Исаков Александр Николаевич / Alexander N. Isakov

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, доцент, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Associate Professor, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Диалектика Достоевского: спасительная сила детской жизни

Мне представляется интересным и плодотворным рассмотреть художественный опыт романов Достоевского на пересечении двух интеллектуальных традиций. Это, во-первых, экзистенциальная в широком смысле традиция понимания свободы как онтологического феномена и, во-вторых, психоаналитическая традиция исследования бессознательного измерения психики. В первом случае важно, что Достоевский не «хайдеггерианец», ему чужд принципиальный тезис Хайдеггера из «Бытия и времени» о том, что «понимание есть способ бытия», у Достоевского напротив «...сознание убивает жизнь. Сознание, — болезнь». Во втором случае — исследования бессознательного, с моей точки зрения, интересно сопоставить тематическое развитие фигуры отца в романах Достоевского, сделав акцент на «чудовищном» отце, Федоре Павловиче, из «Братьев Карамазовых», с концепцией Имен-Отца Ж. Лакана, являющейся важным обобщающим элементом, объемлющим все три основные регистра его теории децентрированной субъективности, поскольку как он выразился на одном из последних своих семинаров, — «Символическое, Воображаемое и Реальное как раз и представляют собой подлинные Имена Отца».

Dostoevsky’s Dialectic: the saving power of children’s life

It seems to me interesting and fruitful to consider the artistic experience of Dostoevsky’s novels at the intersection of two intellectual traditions, firstly, the existential, in a broad sense, tradition of understanding freedom as an ontological phenomenon, and secondly, the psychoanalytic tradition of exploring the unconscious dimension of the psyche. In the first case, it is important that Dostoevsky is not a “Heideggerian”,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 21-18-00153 в Санкт-Петербургском государственном университете / The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153, Saint Petersburg State University.

he is alien to Heidegger's principled thesis from "Being and Time" that "understanding is a way of being", in Dostoevsky, on the contrary, "consciousness kills life. Consciousness is a disease". In the second case, studies of the unconscious, from my point of view, it is interesting to compare the thematic development of the father figure in Dostoevsky's novels, focusing on the "monstrous" father, Fyodor Pavlovich, from the "Brothers Karamazov", with the concept of Names-Father of J. Lacan, which is an important generalizing element encompassing all three main registers of his theories of decentered subjectivity, because, as he put it at one of his last seminars, "The Symbolic, the Imaginary and the Real are just the real Names of the Father".

Даренский Виталий Юрьевич / Vitaly Yu. Darensky

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, ЛНР, профессор, доктор филос. наук / Luhansk State Pedagogical University, Luhansk, LPR, Professor, DSc in Philosophy

Апология Византии в новейшей русской историографии

В докладе предлагается обзор концепций К.В. Хвостовой, А.М. Величко и прот. Владислава Цыпина, в которых выделяются особенности византийской цивилизации как воплощения православного самосознания народа. При всех ошибках и неудачах отдельных правителей, государственность Нового Рима на Босфоре, тем не менее, по своим принципам была наиболее адекватным воплощением христианской цивилизации. В подходах названных новейших авторов акцентированы различные аспекты идеала «православного царства», воплощенного в византийской государственности: богословский, правовой и культурологический. В целом они являются теми принципами, на которых должна строиться христианская государственность в любую историческую эпоху, меняя лишь внешние формы своего воплощения.

В предлагаемом докладе обобщаются названные подходы, создающие новый апологетический образ Византии как центра мировой христианской истории (истории в её христианском понимании).

The Apology of Byzantium in the Modern Russian Historiography

The report provides an overview of the concepts of K.V. Khvostova, A.M. Velichko and prot. Vladislav Tsypin, in which the features of the Byzantine civilization as the embodiment of the Orthodox self-consciousness of the people are highlighted. Despite all the mistakes and failures of individual rulers, the statehood of New Rome on the Bosphorus, nevertheless, according to its principles was the most adequate embodiment of Christian civilization. The approaches of these recent authors emphasize various aspects of the ideal of the "Orthodox kingdom" embodied in the Byzantine statehood: theological, legal and cultural. In general, they are the principles on which Christian statehood should be built in any historical epoch, changing only the external forms of its embodiment.

The proposed report summarizes the above approaches, creating a new apologetic image of Byzantium as the center of world Christian history (history in its Christian sense).

Евlampиев Игорь Иванович / Igor I. Evlampiev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Россия между Византией и Европой. Поиски цивилизационных оснований России в работах А. Герцена, К. Леонтьева и Вл. Соловьева²

В докладе рассматриваются противоречивые оценки влияния Византии на русскую культуру и русское общество, которые давали известные мыслители: П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, В.С. Соловьев и К.Н. Леонтьев. Показано, что резко негативное отношение Соловьева ко всем проявлениям византизма было

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 21-18-00153 в Санкт-Петербургском государственном университете / The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153, Saint Petersburg State University.

обусловлено его тенденциозной прокатолической позицией. Герцен и Леонтьев сходились в понимании глубоко позитивного влияния византийской культуры не только на русскую культуру, но и на культуру Западной Европы; при этом Леонтьев правильно указывал на важность византийского влияния для объяснений расцвета западной культуры в эпоху Возрождения. Он ошибся только в высокой оценке церковной идеи, заимствованной Россией из Византии. Именно из-за абсолютного господства церкви Византия не испытала культурного подъема, аналогичного Возрождению; чрезмерное господство церкви в общественной жизни России также препятствовало развитию высокой культуры.

Russia between Byzantium and Europe. The search for the civilizational foundations of Russia in the works of A. Herzen, K. Leontiev and V. Solovyov

The report discusses the conflicting assessments of the influence of Byzantium on Russian culture and Russian society, which were given by famous thinkers: P. Ya. Chaadaev, A. I. Herzen, V. S. Solovyov and K. N. Leontiev. It is shown that Solovyov's sharply negative attitude to all manifestations of Byzantism was due to his tendentious pro-Catholic position. Herzen and Leontiev agreed in their understanding of the profoundly positive influence of Byzantine culture not only on Russian culture, but also on the culture of Western Europe; at the same time, Leontiev correctly pointed out the importance of Byzantine influence in explaining the flowering of Western culture during the Renaissance. He was mistaken only in his high assessment of the church idea, borrowed by Russia from Byzantium. It was because of the absolute dominance of the church that Byzantium did not experience a cultural upsurge analogous to the Renaissance; the excessive dominance of the church in the public life of Russia also hindered the development of high culture.

Капилупи Стефано Мария / Stefano Maria Capilupi

Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, Римский государственный университет «Ла Сапьенца», Рим, Италия, предметный эксперт, доктор философии / Russian Christian Academy for Humanities, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, University of Rome "La Sapienza", Rome, Italy, Subject Expert, PhD in Philosophy

Эсхатологическое видение Иисуса и милленаристические и тоталитарные наклонности русско-православной эсхатологии

Каждое христианское поколение должно переосмыслить то, как оно понимает тайну Христа. Иисус, практикующий иудей, размышлял над Писаниями прошлого, предпочитая загадочное и богатое выражение «Сын человеческий», чтобы говорить о Себе, и в то же время пытаясь понять действия Бога Израиля в Его время. Эта христология «Сына человеческого» имела то преимущество, что не вызвала политического освободительного давидического Мессию, а вместо этого намекала на фигуру, которая будет играть фундаментальную роль в конце времен. Иисус в своем самосознании и в своем учении постепенно достиг уникального синтеза трех фигур: Мессии, Раба страдающего и Сына человеческого. Конец времени — это время, в котором, с точки зрения веры, человек живет после смерти «Сына человеческого» на кресте и Воскресения Его, в соответствии с «уже и еще нет» Его Царствия, активно ожидая победы над последним врагом — смертью. В русской эсхатологии, как православной, так и «светской» (в смысле специфической «религиозности», которая касается в том числе советской и постсоветской идеологии), часто можно заметить сдвиг неизбежного напряжения сердца верующего (которое должно напротив принять и сохранить обе стороны иудео-христианской эсхатологии) либо по вертикали, в сторону литургического или государственного триумфализма, либо по горизонтали, в сторону утопии. Нередко жертвой этих разных видов радикализма оказывается индивидуальная свобода.

Eschatological vision of Jesus and millenarian and totalitarian inclinations of Russian Orthodox eschatology

Every Christian generation must rethink how it understands the mystery of Christ. Jesus, a practicing Jew, meditated on the Scriptures of the past, preferring the enigmatic and rich expression "Son of man" to refer to Himself, while at the same time trying to understand the actions of the God of Israel in His time. This "Son of Man" Christology had the advantage of not evoking a political emancipatory Davidic Messiah, but instead

hinted at a figure who would play a fundamental role at the end of time. Jesus, in his self-consciousness and in his teaching, gradually achieved a unique synthesis of three figures: the Messiah, the suffering Servant, and the Son of Man. The end of time is the time in which, from the point of view of faith, a person lives after the death of the “Son of Man” on the cross and His Resurrection, in accordance with the “no longer and not yet” of His Kingdom, actively awaiting victory over the last enemy — death. In Russian eschatology, both Orthodox and “secular” (in the sense of a specific “religiosity”, which also applies to Soviet and post-Soviet ideology), one can often notice a shift in the inevitable tension of the believer’s heart (which, on the contrary, should accept and preserve both sides of Judeo-Christian eschatology) either vertically, towards liturgical or state triumphalism, or horizontally, towards utopia. Often the victim of these different kinds of radicalism is individual freedom.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Philosophy

Политическая теология в России конца XX — начала XXI вв. и ее европейский контекст

В докладе предполагается рассмотреть основные аспекты формирования тематического поля политической теологии в России конца XX — начала XXI вв. Во-первых, будут рассмотрены базовые, имеющие публичный характер медийной политической повестки, концепты современной политической и правовой мысли, их теолого-политические истоки и импликации, начиная с эпохи Просвещения. Во-вторых, будет представлено описание и проанализированы детерминации, определяющие характер современного теологического возрождения в философии и социальных науках, видимым эффектом которого стала институционализация в западных университетах «политической теологии» в качестве самостоятельной дисциплины в рамках преподавания социологии и религиоведения. В-третьих, будет дан общий анализ тематического поля политической теологии в России конца XX — начала XXI вв. (политические и институциональные инициативы Русской православной церкви и общественных организаций, «политический исихазм», «диалогизм» и политика толерантности в образовании), а также социально-политических стратегий его формирования и концептуального анализа в рамках «политической теологии» как научной дисциплины.

Political theology in Russia at the end of the XX — beginning of the XXI centuries and its European context

In the paper, it is planned to consider the basic aspect of shaping the thematic area of political theology in Russia at the end of the XX — beginning of the XXI centuries. First, we will take into attention the basic concepts of modern political and legal thought, which have a public character of media political agenda, along with their theologo-political issues and implications starting from the Enlightenment era. Second, a description will be given and the determination will be analyzed, which define the character of the modern theological renaissance in philosophy and social sciences, a visual effect whereof became the institutionalization of “political theology” in Western universities as an independent subject within the frames of teaching social sciences and religious studies. Third, a general analysis will be provided of the thematic area of “political theology” in Russia at the end of the XX — beginning of the XXI centuries (political and institutional of the Russian Orthodox Church and public associations, “political hesychasm”, “dialogism” and policy of tolerance in education), as well as socio-political strategies of its formation and conceptual analysis within the frame of “political theology” as a scientific discipline.

Русская мысль между византизмом и европейской цивилизацией

Римский Виктор Павлович / Victor P. Rimskiy

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия, профессор, доктор филос. наук / Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Римская Ольга Николаевна / Olga N. Rimskaia

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия, доцент, канд. филос. наук / Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Критика методологических парадигм и схем истории русской философии

Очень важно в исследовании и трактовках истории русской философии избегать идеологических или научных штампов и схематизмов, чтобы избежать герменевтического «конфликта интерпретаций». Это связано, на наш взгляд, с игнорированием специфики русской философии, которая возникла и развивалась на культурно-исторической почве «гетерогенного хронотопа». Отечественная философия попала в круговорот «гетерогенного хронотопа» на протяжении последних трех столетий: она будто бы все время испытывает и впитывает самые разнородные философские идеи, воспринимает их из всех времен и пространств (цивилизаций, стран и народов) — от античности до постмодернизма, от греческих святых отцов до французского просвещения, от индийских медитаций до немецких феноменологических практик, и т.п., — пытается сказать свое «новое слово» и говорит его; но вдруг забывает, так как постоянно продуцирует специфическую «революционность» и вечное «оборачивание» и «переворачивание» русской науки, философии и культуры, оказывается обречена на постоянные «обрывы», «возрождения», «хождения кругами», порой похожие на изобретения интеллектуальных «велосипедов», в том числе и собственных... Она все время пытается стать «новой», «русской» и, одновременно, «профессиональной», «научной» и «европейской» («мировой»).

Critique of Methodological Paradigms and Schemes of the History of Russian Philosophy

It is very important to avoid ideological or scholarly stamps and schematisms in the study and interpretation of the history of Russian philosophy in order to avoid hermeneutic “conflict of interpretations”. This is related, in our opinion, to ignoring the specificity of Russian philosophy, which emerged and developed on the cultural-historical soil of the “heterogeneous chronotope”. Russian philosophy has been caught in the whirlwind of the “heterogeneous chronotope” for the last three centuries: it seems to be constantly testing and absorbing the most heterogeneous philosophical ideas, perceiving them from all times and spaces (civilizations, countries and peoples) — from antiquity to postmodernism, from the Greek holy fathers to the French Enlightenment, from Indian meditation to German phenomenological practices, and so on, — tries to say her “new word” and says it; but suddenly she forgets, because she constantly produces a specific “revolutionarity” and an eternal “turning around” and “turning over” of Russian science, philosophy and culture, is doomed to constant “breaks”, “revivals”, “going in circles”, sometimes similar to inventing intellectual “bicycles”, including her own... It keeps trying to become “new”, “Russian” and, at the same time, “professional”, “scientific” and “European” (“world”).

Шевцов Александр Викторович / Alexandr V. Shevtsov

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, доцент, канд. филос. наук / Moscow aviation institute (national research university), Moscow, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

О месте и положении Византийской философии в истории русской философии как цивилизационном проекте (К вопросу рецепции Византийской философии в истории русской философии второй пол. XIX — нач. XX в.)

В докладе рассматриваются некоторые аспекты рецепции философской и богословской мысли Византии в истории русской философии. Проясняются вопросы основных векторов трансляции византологии и определяются важные источники для рецепции философии Византии в русскую культуру. Определяется место и значение творений Иоанна Дамаскина для философии Византии и России. В статье определяются и освещаются перспективы исследования вопросов рецепции Византийской философии и говорится о значении обращения к источникам Византийской мысли. Приводятся сведения о византинистах и характеризуется их вклад в изучение наследия философии Византии как славянофильского и русского проекта.

Survey sketch about the place and the provision of the Byzantine philosophy in the history of the Russian philosophy (To a question of reception of the Byzantine philosophy in the history of the Russian philosophy of the second half of XIX — the beginning of the 20th century)

The report is devoted to some aspects of reception of a philosophical and theological thought of Byzantium in the history of the Russian philosophy. In a sketch experience of clearing of the main vectors of broadcast of a vizantologiya is given and important sources for reception of philosophy of Byzantium in the Russian culture are defined. The place of creations of John Damascene for philosophy of Byzantium and Russia is defined. In a sketch prospects of a research of questions of reception of the Byzantine philosophy snatch and it is told about value of the appeal to sources of the Byzantine thought. Data about the byzantologies are provided and their contribution to studying of heritage of philosophy of Byzantium is characterized.

Тонковидова Анна Викторовна / Anna V. Tonkovidova

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия, старший преподаватель / Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia, senior lecturer

Соборность и социальность в постсекулярную эпоху (на материалах творчества Николая Бердяева)

Доклад посвящен одному из самых интересных аспектов исследований Николая Бердяева в области религии, персонализма, общественно-политической сфере — осмыслению вопроса как человек актуализирует соборность в социальности, и может ли он быть вне соборности, что можно рассматривать как вклад Бердяева в одну из классических проблем русского философского и духовного наследия. Ключевой вопрос соборности и социальности в докладе на основании текстов Николая Бердяева изучается вместе с дополнительными: утратой свободы, злом, человеком и сообществом. Дается понимание русских способов богословского мышления в сравнении с западными, католическими богословскими и философскими подходами к таким вопросам, как Бог и вера. Делается вывод о перформативном участии человека в процессе творчества, ведущем к соборности как цели цивилизации с открытым, не телеологическим будущим. Соборность находится в диалектическом развитии, проходя этапы своего становления в церковной, светской и церковно-светской социальности. Человек, находясь в любом из типов социальностей, сохраняет соборность. Все типы социальности находят свою основу в религиозности, а светскость как таковая ставится под сомнение, рассматривается как один из видов религиозности. Результат исторического процесса находит свое конкретное воплощение в соборности, или, по Бердяеву, в свободной коммунитарности, ведущей к бесконечности вечности, которая будет завершением диалектики триединства.

Sobornost and sociality in the post-secular era (based on the works of Nikolai Berdyaev)

The report is devoted to one of the most interesting aspects of Nikolai Berdyaev's research in the field of religion, personalism, and the socio-political sphere — understanding the question of how a person actualizes sobornost in sociality, and whether he can be outside of sobornost, which can be considered as Berdyaev's contribution to one of the classic problems of the Russian philosophical and spiritual heritage. Based on the texts of Nikolai Berdyaev, the key issue of sobornost and sociality is studied in the report along with additional ones: the loss of freedom, evil, man and community. An understanding of Russian ways of theological thinking is given in comparison with Western, Catholic theological and philosophical approaches to such issues as God and faith. The conclusion is made about the performative participation of a person in the process of creativity, leading to catholicity as the goal of civilization with an open, non-teleological future. Sobornost is in dialectical development, going through the stages of its formation in church, secular and church-secular sociality. A person, being in any type of sociality, retains sobornost. All types of sociality find their basis in religiosity, and secularism as such is questioned, considered as one of the types of religiosity. The result of the historical process finds its concrete embodiment in sobornost, or, according to Berdyaev, in free communitarianism, leading to infinity completion of the dialectic of the trinity.

Зиновьева Анна Павловна / Anna P. Zinovieva

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, магистрант философии / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Undergraduate in Philosophy

Жизненные и академические траектории профессора Э.Л. Радлова

В представленном докладе на примере личности Э.Л. Радлова рассматривается портрет профессора и преподавателя на рубеже XIX–XX вв. Ключевыми аспектами, которые анализируются в данном тексте, стали причины выбора Радловым академической и университетской специальности, его творческое и научное наследие, а также вклад в развитие русской философии. Важными моментами в исследовании жизненных траекторий профессора Радлова также являются его принадлежность к тем или иным корпорациям (университет, философское общество) и коммуникации с интеллектуальной столичной элитой, в которую входил Радлов.

Life and academic trajectories of Professor E.L. Radlov

The presented report on the example of the personality of E.L. Radlov considers the portrait of a professor and teacher at the turn of the XIX–XX centuries. The key aspects analyzed in this text are the reasons for choosing an academic and university specialty, analyzing the creative and scientific heritage of Radlov, contribution to the development of Russian philosophy. Important points in the study of the life trajectories of Professor Radlov are belonging to certain corporations (university, philosophical society) and communication with the intellectual metropolitan elite, which included Radlov himself.

Бельчевичен Сергей Петрович / Sergey P. Belchevichen

Тверской государственный университет, Тверь, Россия, доцент, кандидат философских наук / Tver State University, Tver, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Россия и Запад в философии истории Д.С. Мережковского

Анализируя проблему кризиса гуманистической культуры и его разнообразные проявления в общественной жизни Запада, Мережковский вступает в диалог с представителями отечественной и западноевропейской философской традиции. Негативные явления, охватившие современное общество, ассоциируются у него с образом “Грядущего Хама”, отождествляющего собой господство меркантилизма, бездуховности, “целерациональных” стереотипов поведения, понижающих общий уровень европейской культуры и отрицательно воздействующих на творческие возможности отдельного индивида. Причины данного социокультурного явления Мережковский видел в отказе современного ему человека от абсолютных ценностей, поэтому преодоление кризиса гуманистической традиции Мережковский связывает с переосмыслением традиционных христианских ценностей. Применительно к России, также переживающей кризис гуманистической традиции, Мережковский выявляет особые формы государственной и церковной регламентаций, лишаящих русского человека импульса к культурно-историческому творчеству. В центре внимания русского автора - проблема становления “религиозной общественности”, анализ взаимоотношений церкви, интеллигенции, русского народа, рассматриваемых Мережковским в контексте религиозного будущего всего человечества. Для его размышлений характерна особая апокалипсическая тональность, стремление понять происходящее с позиции неохристианства. Солидаризируясь с философским наследием Чаадаева и Соловьева, Мережковский выявляет религиозно-культурную миссию России, говорит о ее способности победить «мещанство». Анализ социокультурных реалий, размышлений о будущем Европы и России стимулировали поиски Мережковского в плане создания идеала культурно-религиозного обновления, отвечающего интересам будущих поколений.

Russia and the West in the Philosophy of History by D.S. Merezhkovsky

Analyzing the problem of the crisis of humanistic culture and its various manifestations in the social life of the West, Merezhkovsky enters into a dialogue with representatives of Russian and Western European

philosophical traditions. He associates the negative phenomena that have engulfed modern society with the image of the “Coming Ham” that identifies the domination of mercantilism, soullessness, and “purposive” stereotypes of behavior that lower the overall level of European culture and negatively affect the creative abilities of the individual. As he saw the causes of this socio-cultural phenomenon in the rejection of absolute values by modern man, he linked the overcoming of the crisis of the humanistic tradition to a reconsideration of traditional Christian values. In Russia, also experiencing a crisis of the humanistic tradition, Merezhkovsky identifies specific forms of state and church regulations that deprive Russian people of the impulse for cultural and historical creativity. The Russian author focuses on the problem of the formation of “religious community”, the analysis of the relationship between the church, the intelligentsia, the Russian people, regarded by Merezhkovsky in the context of the religious future of all humanity. His reflections are characterized by a peculiar apocalyptic tone, the desire to understand what is happening from a neo-Christian perspective. In solidarity with the philosophical legacy of Chaadaev and Solovyov, Merezhkovsky points to Russia’s religious and cultural mission and its ability to defeat “petit bourgeoisie”. An analysis of socio-cultural realities and reflections on the future of Europe and Russia stimulated Merezhkovsky’s quest to create an ideal of cultural and religious renewal that meets the interests of future generations.

Маковецкий Евгений Анатольевич / Eugene A. Makovetsky

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Третий — лишний: Адам Кадмон в метафизике любви Л.П. Карсавина (на материале *Noctes Petropolitanae*, Ночь 7)³

Основная задача, решаемая Карсавиным при помощи метафизики, состоит в том, чтобы объяснить, каким образом лирический герой *Noctes Petropolitanae* (1922) может оказаться в раю вместе со своей любимой. На языке метафизики эта задача может быть сформулирована следующим образом: каким образом индивидуальное существование конкретного человека может быть наделено онтологическим статусом? Применение схемы «сущность-ипостась» для решения усложнённой задачи «парного» спасения и приводит Карсавина к необходимости ввести в сферу взаимодействия Бога и человека фигуру Адама Кадмона.

Если Адам Кадмон призван придать онтологический статус паре двух неслучайных, конкретных человеческих индивидуальностей, то каким образом решается эта задача? В каждой из индивидуальностей — весь Адам, Христос вступает в отношение не с каждой человеческой индивидуальностью, а через каждую индивидуальность с Адамом Кадмоном, поэтому Бог наделяет онтологическим статусом именно Адама Кадмона, спасая его, становясь им, Вторым Адамом. А уже в Адаме Кадмоне спасаются и все люди. И лучше сказать, спасается не каждый человек, а каждая человеческая пара. Это метафизическая схема Карсавина, с помощью которой паре предаётся онтологический статус и с помощью которой лирический герой *Noctes Petropolitanae* доказывает, что попадёт в Рай (обожится) вместе со своей любимой.

Отметим, что метафизические рассуждения Карсавина базируются на двух аксиомах: во-первых, конечное не может вместить бесконечного; во-вторых, личность должна быть многоединой. Аксиомы, из которых исходит автор, безусловно, обладают метафизическим потенциалом, однако, нельзя не заметить, что догматически они не вполне выверены (см. аргументы против Нестория, Евтихия и Пирра в описаниях постановлений 3-го, 4-го и 6-го Вселенских Соборов соответственно).

The Third is superfluous: Adam Kadmon in the L.P. Karsavin’s Metaphysics of Love (based on *Noctes Petropolitanae*, Night 7)

The main task solved by Karsavin with the help of metaphysics is to explain how the protagonist of *Noctes Petropolitanae* (1922) can find himself in Paradise with his beloved. In the language of metaphysics, this task can be formulated as follows: how can the individual existence of a particular person be endowed with an ontological status? The use of the “essence-hypostasis” scheme to solve the complicated problem of “paired”

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00865 / The present research was funded by the RFBR, project number 20-013-00865.

salvation leads Karsavin to the need to introduce the figure of Adam Kadmon into the sphere of interaction between God and man.

If Adam Kadmon is intended to give an ontological status to a pair of two non-random, concrete human personalities, then how is this task solved? In each of the individuals is the whole Adam, Christ enters into a relationship not with every human individuality, but through each individuality with Adam Kadmon, therefore God gives the ontological status to Adam Kadmon, saving him, becoming him, the Second Adam. And already in Adam Kadmon all people are saved. And it is better to say that not every person is saved but every human couple is saved. This is Karsavin's metaphysical scheme, with the help of which the ontological status is given to the couple and with the help of which the protagonist of *Noctes Petropolitanae* proves that he will go to Heaven (be deified) together with his beloved.

Note that Karsavin's metaphysical reasoning is based on two axioms: first, the finite cannot contain the infinite; secondly, the personality must be a multi-person. The axioms from which the author proceeds certainly have metaphysical potential, however it should be noted that they are not fully verified dogmatically (See the arguments against Nestorius, Eutyches and Pyrrhus in the proceedings of the 3rd, 4th and 6th Ecumenical Councils).

Лагутин Сергей Владимирович / Sergey V. Lagutin

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher

«Кризис русского византизма» Г. Флоровского: к вопросу о «затяжном русском молчании»

Доклад посвящен исследованию Г. Флоровского «Кризис русского византизма». Особое внимание уделяется рассматриваемому Г. Флоровским феномену «затяжного русского молчания». В рамках методологии интеллектуальной истории понятий, данный феномен представляется как специфический акт исторической полифонии, как особый тип отречения от византийской духовной традиции.

“The Crisis of Russian Byzantinism” by G. Florovsky: on the question of the “protracted Russian silence”

The report is devoted to G. Florovsky's study “The Crisis of Russian Byzantinism”. Particular attention is paid to the phenomenon of “protracted Russian silence” considered by G. Florovsky. In the framework of the methodology of intellectual history of concepts, this phenomenon is presented as a specific act of historical polyphony, as a particular type of renunciation of the Byzantine spiritual tradition.

Куприянов Виктор Александрович / Victor A. Kupriyanov

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the history of science and technology of the RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Philosophy

Марксистское понимание науки: рецепция концепции Б.М. Гессена в СССР и за рубежом

В докладе предлагается дать описание истории участия советской делегации на втором международном конгрессе по истории науки в Лондоне в 1931. Планируется показать, как происходила подготовка конгресса, рассказать о его основах организаторах. Планируется показать место и роль второго конгресса по истории науки в становлении историографии науки как самостоятельной области исследований. Предполагается реконструировать программу конгресса, рассказать об основах темах, которые обсуждались его участниками. Особое внимание предполагается уделить участию советской делегации во главе с Н.И. Бухариным. Будет показана реакция на выступление Б.М. Гессена со стороны участников конгресса: молодых британских марксистов, которые вдохновились идеями материалистического понимания истории науки, а также «классических» историков науки, которые в массе своей враждебно отнеслись к советской интерпретации истории естествознания. Будет показана роль, которую доклад

Гессена сыграл в истории социологии науки, а также социальной истории науки. Планируется показать особенности экстернализма Б.М. Гессена.

The Marxist understanding of science: the reception of B.M. Hessen's conception in the USSR and abroad

The report deals with description of the history of the participation of the Soviet delegation at the Second international congress on the history of science in London in 1931. The author plans to show how the preparation of the congress took place and to talk about its organizers. It is planned to highlight the place and role of the Second congress in the history of science in the development of the historiography of science as an independent field of research. It is supposed to reconstruct the program of the congress and to talk about the topics discussed by its participants. Particular attention is expected to be paid to the participation of the Soviet delegation headed by N.I. Bukharin. The reaction of the congress participants to the speech of B.M. Hessen will be shown: young British Marxists who were inspired by the ideas of a materialistic understanding of the history of science, as well as «classical» historians of science, who for the most part were hostile to the Soviet interpretation of the history of natural science. The role that Hessen's report played in the history of the sociology of science, as well as the social history of science, will be shown. It is planned to show the features of B.M. Hesse's externalism.

Попов Дмитрий Алексеевич / Dmitry A. Popov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, аспирант / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Graduate student

Музей в проекте русского космизма

В докладе предлагается обзор концепции музея в контексте идей представителей русского космизма. Русский космизм является очень ярким явлением русской культуры конца XIX — начала XX века. Несмотря на относительную маргинальность данного движения, его разрозненность, некоторую утопическую наивность в самих послылках, на которых строится русский космизм, его представители являют собой пример удивительной пассионарности и работоспособности, практические достижения которых также определили направление естественно-научных дисциплин в XX веке. Однако дело науки — рациональное преобразование действительности — являлось для русских космистов этической проблемой. Все усилия были брошены на общее дело достижения справедливости, преодолевающей само время. В этом деле, как это ни странно, ключевое место занимает музей. В этом контексте понятие музея можно рассмотреть в двух измерениях. Во-первых, музей как техника сохранения и реставрации опыта прошлого имеет чисто прикладную задачу — сохранить и предоставить необходимый материал для физического восстановления тел предков. Во-вторых, музей рассматривается как техника общения с прошлым, своего рода культ предков в его новом воплощении. Такое понимания музея в координатах русского космизма приводит к идее «музеефикации» не вещей, но людей. Мы и наша жизнь должны стать объектом всемирного музея, который явит собой пространство безвременья, где будет осуществлен идеал единства поколений.

Museum in the project of Russian cosmism

The report offers an overview of the concept of the museum in the context of the ideas of representatives of Russian cosmism. Russian cosmism is a very notable phenomenon of Russian culture of the late XIX — early XX century. Despite the relative marginality of this movement, its fragmentation, some utopian naivety in the very premises on which Russian cosmism is built, its representatives are an example of amazing passionarity, whose practical achievements determined the direction of natural science disciplines in the 20th century. However, the rational transformation of reality was an ethical problem for Russian cosmists. All efforts were thrown into the common goal of achieving justice that overcomes the time itself. In this context the museum occupies a key place. The concept of a museum can be seen in two ways. Firstly, the museum, as a technique for preserving and restoring the experience of the past, has a purely applied task — to preserve and provide the necessary material for the physical restoration of the bodies of ancestors. Secondly, the museum can be seen as a technique for communicating with the past, a special kind of veneration of the dead. Such an understanding of the museum leads to the idea of “museification” not of things, but of people. We and our life should become

the object of a world museum, which will be a space of timelessness, where the ideal of the unity of generations will be realized.

Машукова Елена Юрьевна / Elena Yu. Mashukova

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Антропологическая проблематика в эмигрантской литературе 30-40-х годов XX века (читая «Новый град»)

В докладе предлагается обзор отношения авторов эмигрантского журнала «Новый град» к проблеме формирования нового советского человека. Отмечается, что исключительная обращенность к личности была уникальна для советского коммунистического государства. Советским людям внушалось, что только советская власть понимает, что сам по себе человек является «огромным капиталом». Новый советский человек противопоставлялся «старому человеку» буржуазного Запада. Все направления деятельности советской власти, направленной на формирование нового советского человека, объединялись термином «культурная революция». Она включала в себя следующие задачи: создание новой пролетарской культуры, искоренение религии, ликвидацию безграмотности, создание новой пролетарской морали, в основе которой была полная подчиненность человека делу строительства коммунизма. Новоградцы считали, что на всех этих направлениях деятельность большевиков привела к фактическому уничтожению в Советской России всякой возможности самозарождения личности. Тем не менее, авторы журнала признавали и положительные черты советского человека: трудовой энтузиазм, героизм, самопожертвование, стремление к равенству. Автор делает попытку связать размышления новоградцев с реальным контекстом эпохи и работами современных авторов и приходит к выводу о том, что многие оценки авторов журнала являются настолько точными, что фактически повторяются современными исследователями данной проблемы.

Anthropological problems in emigrant literature of the 30-40s of the XX century (reading “Novy Grad”)

The report provides an overview of the attitude of the authors of the emigrant magazine “Novy Grad” to the problem of the formation of a new Soviet man. It is noted that the exceptional appeal to the individual was unique for the Soviet communist state. Soviet people were taught that only the Soviet government understands that a person is “a huge capital” in itself. The new Soviet man was opposed to the “old man” of the bourgeois West. All the activities of the Soviet government aimed at the formation of a new Soviet man were united by the term “cultural revolution”. It included the following tasks: the creation of a new proletarian culture, the eradication of religion, the elimination of illiteracy, the creation of a new proletarian morality, which was based on the complete subordination of man to the cause of building communism. Novograd residents believed that in all these areas the activities of the Bolsheviks led to the actual destruction in Soviet Russia of any possibility of self-generation of the individual. Nevertheless, the authors of the magazine also recognized the positive features of the Soviet man: labor enthusiasm, heroism, self-sacrifice, striving for equality. The author makes an attempt to connect the reflections of Novograd residents with the real context of the era and the works of modern authors and comes to the conclusion that many of the assessments of the authors of the journal are so accurate that they are actually repeated by modern researchers of this problem.

Византия в западно-европейском и славянском контекстах

Клецов Алексей Александрович / Aleksey A. Kletsov

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, доцент, канд. физ.-мат. наук, PhD in Electrical Engineering, магистр теологии / Saratov State University, Saratov, Russia, Associate Professor, CSc in Physics and Mathematics, PhD in Electrical Engineering, MSt in Theology

Эволюция понятий νοῦς и πνεῦμα в ранней эллинистической философской психологии: от стоиков до Филона Александрийского

На основе исторически-категориального анализа показано, что, во-первых, в ранний эллинистический период понятия νοῦς (= λογική ψυχή) и πνεῦμα эволюционируют в сторону их *дематериализации* (спиритуализации) и *идеализации/трансцендентализации*, во-вторых, к I в. до н.э. сущности, обозначаемые этими понятиями, объединяются в *единую двухгранную онтологическую сущность* πνεῦμα-νοῦς. В рамках психологии человека данные понятия начинают обозначать *высшую/божественную часть* его природы (πνεῦμα θεῖον, по Филону), являющуюся *имманентным «пробыванием» (силой) трансцендентного божества*.

The evolution of the concepts νοῦς and πνεῦμα in early Hellenistic philosophical psychology: from the Stoics to Philo of Alexandria

On the basis of historical-categorical analysis, it is shown that, firstly, in the early Hellenistic period, the concepts of νοῦς (= λογική ψυχή) and πνεῦμα evolve towards their *dematerialization* (spiritualization) and *idealization/transcendentalization*, and secondly, by the 1st century BC the entities denoted by these concepts are combined into *a single dihedral ontological entity* πνεῦμα-νοῦς. Within the framework of human psychology, these concepts begin to designate the *highest/divine part* of his nature (πνεῦμα θεῖον, according to Philo), which is *the immanent “presence” (power/energy) of a transcendent deity*.

Пантелеев Алексей Дмитриевич / Aleksey D. Panteleev

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. историч. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in History

Бедность и богатство в раннехристианской традиции: от Нового Завета до начала III в.⁴

В нашем докладе мы рассмотрим различные точки зрения первых христиан на проблему богатства, бедности и их соотношения с добродетелью. В Евангелиях содержатся высказывания Христа о богатых и бедных, о деньгах, о мирском богатстве, но эти темы не были в фокусе Его учения. В Деяниях апостолов и Посланиях богатство продолжает трактоваться как опасность для души, но тут же мы встречаем и указания на присутствие в общине богатых христиан, на практики, связанные с благотворительностью, на прямую финансовую помощь как обычным верующим, так и апостолам. Все это указывает на то, что одновременно с прославлением бедности лидеры общин проделывали уже в новозаветный период большую работу по сглаживанию социальных противоречий и нормализации отношения к «своим» богачам. Основной труд, однако, был впереди. Поддержка неимущих — первый частый мотив в сочинениях апостольских отцов и последующих церковных авторов, но кроме того, христианские интеллектуалы обращаются и к вопросу о допустимости богатства для верующих в принципе. Особую важность здесь имеют сочинения Климента Александрийского «Педагог» и «Кто из богатых спасется». Отдельно будет рассмотрена полемика о богатстве и мученичестве, развернувшаяся во II–III вв.

Poverty and wealth in the Early Christian Tradition: from the New Testament to the beginning of the third century

The aim of our report is analysis of the various points of view of the first Christians on the problem of wealth, poverty and their relationship with virtue. The Gospels contain statements of Christ about the rich and the poor, money, worldly wealth, but these topics were not the focus of His teaching. In the Acts of the Apostles and the Epistles, wealth continues to be interpreted as a danger to the soul, but we also find indications of the presence of rich Christians in the community, practices related to charity, direct financial assistance to poor believers and the Apostles. All this indicates that, simultaneously with the glorification of poverty, community leaders were already doing a lot of work in the New Testament period to smooth out social contradictions and normalize attitudes towards "their" rich people. The support of the poor is the first frequent motive in the

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01357 / The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-28-01357.

writings of the Apostolic Fathers and subsequent Church authors, but in addition, Christian intellectuals turn to the question of the admissibility of wealth for believers in principle. Of particular importance here are the works of Clement of Alexandria “Who of the rich will be saved”.

Баранов Владимир Александрович / Vladimir A. Baranov

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, младший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, Junior Researcher, CSc in Philosophy

Одушевление тела в «О сотворении мира» Иоанна Филопона⁵

Антропология Филопона, проявляющаяся в его экзегезе творения человека в книге VI трактата «О сотворении мира» в целом соответствует его учению о человеке из Комментариев на «О душе» Аристотеля и реконструируется как платоническая «нисходящая» система из разновременных бестелесной разумной души, животной души, входящей в оформленный органами эмбрион, и растительной души, известная из учения Оригена и Дидима Александрийского. Такая «телескопическая» антропология неизбежно предполагает наличие промежуточных сущностей (ум-душа-«колесница души»-пневма-материальное тело). При этом, в экзегезе сотворения ангельских сил в книге I Филопон настаивает на полном отличии умной (νοεράν) и словесной (λογικήν) сущности от тел и неразумных душ, и отвергает понятие посредствующей субстанции («ведь нет ничего среднего между бестелесным и телесным»), что ставит методологический вопрос о последовательности и системности интерпретации Филопона, на проблемы с которой уже указывали исследователи (Блументаль, Конгурдо).

Ensoulement of the body in John Philopon’s “On the Creation of the World”

The anthropology of John Philopon, manifested in his exegesis of the creation of man in book VI of his “On the Creation of the World” generally corresponds to his teaching about man from the Commentaries on Aristotle’s *De anima* and is reconstructed as a Platonic “descending” system of asynchronical incorporeal rational soul, animal soul animating the embryo equipped by organs, and vegetative soul, known from Origen and Didymus of Alexandria. Such “telescopic” anthropology inevitably entails the presence of intermediate entities (mind-soul-“chariot of the soul”-pneuma-material body). At the same time, in the exegesis on the creation of angelic powers in book I, Philopon insists on the complete difference between intellectual (νοεράν) and rational (λογικήν) substance from bodies and irrational souls, and rejects the concept of the mediating substance (“after all, there is nothing in between the incorporeal and corporeal”), which raises a methodological question about consistency and coherence in interpretation of Philopon, the problems with which have already been pointed out by different scholars (Blumenthal, Congourdeau).

Щукин Тимур Аркадьевич / Timur A. Shchukin

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher

Иоанн Филопон и антиохийская космологическая традиция: линии пересечения⁶

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-41004, «Трактат Иоанна Филопона “О сотворении мира” в контексте ближневосточной сиро-палестинской и византийской богословской (христологической, антропологической, космологической) традиции» / The present research was funded by the RFBR, project number 20-011-41004 “Treatise of John Philoponus ‘On the Creation of the World’ in the context of the Middle Eastern Syrian-Palestinian and Byzantine Theological (Christological, anthropological, cosmological) Traditions”.

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-41004, «Трактат Иоанна Филопона “О сотворении мира” в контексте ближневосточной сиро-палестинской и византийской богословской (христологической, антропологической, космологической) традиции» / The present research was funded by the RFBR, project number 20-011-41004 “Treatise of John Philoponus ‘On the Creation of the World’ in the context of the Middle Eastern Syrian-Palestinian and Byzantine Theological (Christological, anthropological, cosmological) Traditions”.

В докладе предлагается анализ некоторых тематических пересечений между трактатом Иоанна Филопона «Об устройении мира» (De orificio mundi; CPG 7265) и антиохийской космологической традицией, представленной сочинениями Феодора Мопсуестийского, а также некоторых его последователей. Именно против них, как следует из текста трактата, направлена полемическая энергия александрийского философа. Рассматриваются три тематических пересечения: вопрос о сотворении ангельского мира, вопрос о сотворении и природе света, вопрос о природе небес и небесных светил. Выявляются общие мировоззренческие предпосылки расхождения между Иоанном Филопоном и антиохийской традиции, которые сводятся к различной трактовке концепта божественного творения. Если для Иоанна Филопона мироздание было выражением установленной Богом закономерности, то для антиохийцев космос был пространством продолжающегося действия божественной воли, не ограниченной никакими законами, пространством богочеловеческой литургии, богочеловеческого взаимодействия.

John Philoponus and the Antiochian Cosmological Tradition: Lines of intersection

The report offers an analysis of some thematic intersections between the treatise of John Philoponus De orificio mundi (CPG 7265) and the Antiochian cosmological tradition, represented by the writings of Theodore of Mopsuestia, as well as some of his followers. The polemical energy of the Alexandrian philosopher is directed against them, as follows from the text of the treatise. Three thematic intersections are considered: the question of the creation of the angelic world, the question of the creation and nature of light, the question of the nature of heaven and heavenly bodies. The general ideological prerequisites of the discrepancy between John Philoponus and the Antiochian tradition are revealed, which are reduced to a different interpretation of the concept of divine creation. If for John Philoponus the universe was an expression of a law established by God, then for the Antiochians the cosmos was the space of the continuing action of the divine will, not limited by any laws, the space of the divine-human liturgy, the divine-human interaction.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Philosophy

Между нравственной аллегорезой и буквальным толкованием книги Бытия: экзегетический метод Иоанна Филопона в трактате «О сотворении мира»⁷

В докладе будут представлены итоги исследования специфики применяемого Иоанном Филопоном метода экзегезы в его трактате «О сотворении мира». Трактат содержит экзегезу Шестоднева книги Бытия, и отличается применением множества техник толкования, характерных для философской и богословской литературы первой половины VI в. — риторико-грамматических, логических, физических, а также особым вариантом соединения буквального и аллегорического богословских методов толкования. Следуя заявленной в начале трактата цели, показать согласие повествования Моисея и физических научных теорий его времени, Филопон отвергает как аллегорический метод нравственного толкования текста книги Бытия о творении мира, в котором порядок творения представляется в виде серии нравственных уроков, преподанных Богом разумным тварям (ангелы и люди), так и буквальный метод толкования, в рамках которого такое нравственное толкование и буква Писания совпадают (крайний вариант антиохийской экзегезы у Феодора Мопсуестийского). В соответствии с данной критической программой Филопон изымает из практики толкования все элементы буквальной и аллегорической экзегезы, не обусловленные исторической или физической необходимостью. Буквальное толкование поэтому сводится у Филопона к физическому толкованию на основе объяснительных моделей причин явлений природы, либо к историческому, т. е. такому, которое связано не с презентацией тех или иных частных нравственных целей Бога, но с обстоятельствами презентации и написания текста Моисеем. При

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-41004, «Трактат Иоанна Филопона “О сотворении мира” в контексте ближневосточной сиро-палестинской и византийской богословской (христологической, антропологической, космологической) традиции» / The present research was funded by the RFBR, project number 20-011-41004 “Treatise of John Philoponus ‘On the Creation of the World’ in the context of the Middle Eastern Syrian-Palestinian and Byzantine Theological (Christological, anthropological, cosmological) Traditions”.

этом аллегорическое толкование используется Филопоном только в тех случаях, где аллегорезой вынужден пользоваться сам Моисей, или к тем, где толкование сталкивается с неоднозначным греческим переводом исходного, написанного на еврейском тексте, обусловленным наличным состоянием словаря и синтаксиса обоих языков.

Between the moral allegoresis and literal interpretation of the book of Genesis: exegetical method of John Philoponus in the treatise "On the creation of the world"

In the paper, the outcomes of studies of the specifics of the exegetical method applied by John Philoponus in his treatise "On the creation of the world" will be displayed. The treatise contains an exegesis of the Hexameron of the book of Genesis and is distinguished by application of a multitude of interpretation techniques specific to the philosophical and theological literature of the first half of the VI century — rhetorico-grammatical, logical, physical, — and also a special way of conjoining the literal and allegorical methods of interpretation in theology. Following the objective proclaimed in the beginning of the treatise, which was to expose the consent of Moses' narrative and physical scientific theories of his epoch, Philoponus rejects both the allegorical method of moral interpretation of the text of the Genesis concerning the creation of the world, where the order of creation is represented as a series of moral lessons given by God to the rational creatures (angels and humans), and the literal method of interpretation, whereupon such moral exegesis and the letter of the Scriptures coincide (an extreme version of Antiochean exegesis by Theodore of Mopsuestia). Compliant to this critical program, Philoponus exempts from the practice of interpretation all the elements of literal and allegorical exegesis not determined by any historical or physical necessity. Thus, the literal interpretation is reduced, by Philoponus, either to a physical interpretation upon the explanatory model of the causes of natural phenomena, or to a historical one, i. e. such as bind not with the presentation of whatsoever moral objectives of God, but with the circumstances of presentation and writing the text by Moses. Alongside that, the allegorical interpretation is used by Philoponus only in the cases where Moses himself is compelled to use allegoresis, or where the interpretation meets an ambiguous Greek translation of the original Hebrew text, which is caused by the then-present state of thesaurus and syntax of both languages.

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич / Dmitry S. Kurdybaylo

Национального исследовательского института «Высшая школа экономики», Москва, научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Research Fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Senior Researcher, CSc in Philosophy

О «седмичном времени» в экзегетике Максима Исповедника⁸

В целом ряде экзегетических текстов прп. Максима Исповедника написанных на протяжении значительного времени, от «Вопросов и недоумений» и до «Вопросоответов к Фалассию», много раз упоминается пара «пятеричной природы» и «седмичного времени». Как известно, продолжая александрийскую традицию, подобно Оригену и Евагрию, прп. Максим уделяет большое внимание числовому символизму как тексте Библии, так и в святоотеческих сочинениях. И если «пятеричная природа» получает вполне явственное объяснение, например, через образ пяти чувств человека, с помощью которых, собственно, вся природа и воспринимается нами эмпирическим образом, то связь времени и числа семь остаётся менее очевидной. Современные исследователи, переводчики и комментаторы предлагают несколько объяснений, которые будут проанализированы в докладе и сопоставлены с традицией александрийской ритмологии.

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00214 в Балтийском федеральном университете им. И. Канта / The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00214, Immanuel Kant Baltic Federal University.

On “septenary time” in the exegetical writings of Maximus the Confessor

In various exegetic writings, from the *Questiones et Dubia* to the *Responses to Thalassios*, Maximus the Confessor mentions the symmetrical pair of ‘quinary nature’ and ‘septenary time’. St Maximus is well-known for his adherence to Alexandrian exegetical tradition: following Origen and Evagrius Ponticus, he pays much attention to the symbolism of numbers both in the Bible and patristic writings. The ‘quinary nature’ eventually gets explained in the terms of the five senses, as far as all our experience of the surrounding world is being perceived via them. In the contrast, the ‘septenary time’ is not ever explained straightforwardly or at least with an unambiguous metaphor. Modern scholars of St Maximus provide several plausible explanations of links between the concept of time and the number seven. In the report, I am going to discuss these explanations and compare them with the pre-Maximian period of Alexandrian arithmology.

Черноглазов Дмитрий Александрович / Dmitrii A. Chernoglazov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, доктор филол. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, DSc in Philology

Десять типов единства в *Opusc. 18* Максима Исповедника: преемственность и новаторство в терминологии⁹

В кратком трактате Максима Исповедника «Термины, обозначающие единство», опубликованном в числе его богословско-полемиических сочинений (*Opusc. 18*), приводятся десять типов единства: «по сущности», «по ипостаси», «по отношению», «по рядоположению», «по сочленению», «по растворению», «по замесу», «по слиянию», «по сыпанию» и «по стяжению». В настоящем докладе эта классификация рассматривается в контексте византийской богословской литературы и античных философских учений. Для сравнения привлекаются труды Леонтия Византийского, Леонтия Иерусалимского, Кирилла Александрийского, Иоанна Филопона, Александра Афродисийского и др. Оценивается мера зависимости терминологии Максима от предшествующих авторов, указываются возможные источники созданной им системы. Демонстрируется, что Максим использует ряд терминов, хорошо известных и разработанных еще в античности (παράθεσις ‘рядоположение’, σύγχυσις ‘слияние’, κρᾶσις ‘растворение’ и т.д.), но их значения не вполне соответствуют ни философско-теологической традиции, ни обиходному употреблению. Модификация значений осуществляется в сторону их сужения и более строгого разграничения.

Ten types of union in *Opusc. 18* of Maximus the Confessor: continuity and innovation in terminology

In the short treatise of Maximus the Confessor “Terms denoting union”, published among his theological and polemical works (*Opusc. 18*), ten types of union are given: “by essence”, “by hypostasis”, “by relation”, “by juxtaposing”, “by joining”, “by blending”, “by kneading”, “by confusing”, “by heaping” and “by coalescing”. In the present paper, this classification is analyzed in the context of Byzantine theological literature and ancient philosophical teachings. Maximus’ treatise is compared with works of Leontios of Byzantium, Leontios of Jerusalem, Cyril of Alexandria, John Philoponos, Alexander of Aphrodisias etc. The degree of dependence of Maximus’ terminology on previous authors is assessed, and possible sources of the system he created are indicated. It is demonstrated that Maximus introduced a number of terms that were well known and developed in antiquity (παράθεσις ‘juxtaposition’, σύγχυσις ‘confusion’, κρᾶσις ‘blending’ etc.), but their meanings do not fully correspond either to the philosophical and theological tradition or to everyday use. The meanings of the terms are modified in the direction of their narrowing and stricter differentiation.

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-011-44263, «Формирование понятия “теологии” как науки и ее концептуального аппарата в византийской христианской теологической мысли конца V — начала VIII вв. в контексте научно-философского знания поздней античности» / The present research was funded by the RFBR, project number 21-011-44263 “Formation of the concept of ‘theology’ as a science and its conceptual apparatus in the Byzantine Christian theological thought of the late 5th — early 8th centuries in the context of scientific and philosophical knowledge of late antiquity”.

Тоноян Лариса Грачиловна / Larisa G. Tonoyan

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, Associate Professor, Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg, Russia, Researcher, CSc in Philosophy

Логическая операция деления у Иоанна Дамаскина и Никифора Влеммида¹⁰

Логика Аристотеля в ее неоплатонической обработке оказала на византийских мыслителей значительное влияние. Прежде всего, это касается, логических методов определения и деления. Для анализа мы выбрали два наиболее популярных в Византии пособия по логике, принадлежащих Иоанну Дамаскину и Никифору Влеммиду. Св. Иоанн Дамаскин (ок. 675 — ок. 750) в своем «Источнике знания» постоянно и активно пользуется логическими методами, в особенности, дихотомическим делением, отдельно разбирая то, что позже было названо Древом Порфирия. Предложенное им сочетание богословия и логики стало образцом византийской схоластики. Правда, в трактате «О ересьях», входящем вместе с «Диалектикой» в «Источник знания», ему не удается соблюсти правила деления при классификации многочисленных ересей.

Известный византийский ученый Никифор Влеммид (1197–1272) начинает изложение в своей «Логике» не с учения о категориях и «Введения» Порфирия, как это было принято в средние века, а прямо с перипатетического, по-видимому, учения об определении и делении. Он также активно использует метод дихотомического деления, разработанный Порфирием. В докладе мы коснемся особенностей, внесенных названными авторами в деление категории сущности.

The logical operation of division by John of Damascus and Nicephoros Blemmydes

The logic of Aristotle in its Neoplatonic processing had a significant impact on Byzantine thinkers. First of all, it concerns the logical methods of definition and division. For analysis, we have chosen two of the most popular textbooks on logic in Byzantium, which belong to John of Damascus and Nicephoros Blemmydes. St. John of Damascus (ок. 675 — ок. 750) in his "Source of Knowledge" constantly and actively uses logical methods dichotomous division, separately analyzing what was later called the Tree of Porphyry. The combination of theology and logic proposed by him became a model of Byzantine scholasticism. True, in the treatise On Heresies, which, together with Dialectics, is included in the Source of Knowledge, he fails to observe the rules of division when classifying numerous heresies.

The famous Byzantine scholar Nicephoros Blemmydes (1197–1272) begins his exposition in his Logic not with the doctrine of categories and the Isagoge (Introduction) of Porphyry, as was customary in the Middle Ages, but directly with the apparently peripatetic doctrine of definition and division. He also actively uses the dichotomous division method developed by Porphyry. In the report, we will touch upon the features introduced by the named authors in the division of the category of essence.

Акишин Сергей Борисович / Sergyei B. Akishin

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия / Independent researcher, St. Petersburg, Russia

Учение о богах в «Первоосновах теологии» Прокла и особенности его интерпретации у Николая Мефонского и Иоанэ Петрици

Трактат середины V века «Первоосновы теологии» Прокла оказал весомое влияние на интеллектуальные круги Византии и ее ойкумены к XI–XII вв. Предпринимавшиеся среди них попытки согласовать философские тезисы трактата с положениями православного вероучения могли содержать более или менее искренний интерес, но в любом случае в подобных рамках не удавалось избежать ряда ключевых расхождений между двумя системами мысли. Проблематические аспекты, связанные с ними, разрешались не в пользу новых почитателей Прокла в критических отзывах, чья смысловая позиция полнее всего изложена в «Опровержении «Первооснов теологии»» Николая Мефонского (середина XII

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта No. 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции» / This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10051, "The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition".

в.). Одним из главных таких расхождений было учение о богах как умах и началах, изложенное и обоснованное в «Первоосновах», считавшееся особенно неприемлемым из-за подозрения в апологии политеизма вопреки единобожию христианского учения. Принимая такой контекст, в настоящем докладе мы постараемся очертить векторы разночтения между христианским богословским ответом на это учение, представленном в трактате Николая, и его рецепцией поддержки, которую можно отследить по такому труду как «Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадокха» Иоанн Петрици. Наша задача весьма облегчается тем, что оба трактата представляют собой сборник комментариев на каждую главу «Первооснов», и это позволяет нам, на основе рассмотрения двумя авторами соответствующих теорем Прокла, удостовериться в том, действительно ли перед нами вопрос сознательного «обоготворения» или более сложная проблема определения действительной природы понятий и идей, должным образом применяемых к реальности.

Doctrine of gods in Proclus' "Elements of Theology" and the particulars of its interpretation by Nicholas of Methone and Ioane Petritsi

The mid-fifth century treatise "Elements of theology" by Proclus became significantly influential for the intellectuals of Byzantine ecumene by the XI–XII centuries. Their attempts to harmonize its philosophical propositions with those of the Christian Orthodox faith could be devoted or seem to be such, but they anyway were unable to avoid certain basic discrepancies between the two systems of thought. The question of these "weak points" was resolved not in the favor of newcomer admirers of Proclus by the critical voices, whose conceptual position is thoroughly represented in the "Refutation of the 'Elements of theology'" by Nicholas of Methone, and of these inconsistencies, Proclus' doctrine of gods as intellects and principles was considered one of the most unacceptable as being under heavy suspicion of polytheistic apology contrary to Christian monotheism. With that in mind, in the present paper, we shall outline the vectors of divergence between the Christian theological response to that doctrine given in Nicholas' treatise and the pro-Proclean attitude for it as we can receive its understanding from such a source as Ioane Petritsi's Commentary on the "Elements of theology". Our task is sufficiently facilitated by that both treatises are collections of comments on each theorem of the "Elements", thus allowing us to esteem on the basis of responses to respective Proclus' propositions whether it was a problem of voluntary deification or a more complicated matter of actual nature of concepts and ideas which are relevantly applied to reality.

Алексеева Алина Сергеевна / Alina S. Alekseeva

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, младший научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия, научный сотрудник / Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Junior Researcher; Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg, Russia, Research Fellow

Освоение заимствованной терминологии в «Логике» Макария Петровича¹¹

«Логика» Макария Петровича (1758 г.) представляет собой ценный источник по истории философии и, в частности, философской терминологии. Во многом являясь первопроходцем, Петрович пополняет словарь за счет употребления новых лексем. Наблюдения над текстом «Логики» позволили выявить несколько гапаксов и удревнить первые фиксации некоторых слов, что является важным вкладом в историческую лексикологию русского языка. Также были отмечены нетипичные модели формоизменения заимствованных лексем, известных по более ранним памятникам письменности. Что касается подачи материала, Петрович активно использует глоссирование по модели «...» или «...», причем выбор лексики не всегда обусловлен источником, а некоторые пары повторяются на протяжении текста. Эти стратегии связаны с отмечавшейся задачей текста — обучать, т.е. преподносить материал доступно для читателей.

При подготовке доклада использовались исторические словари и Национальный корпус русского языка.

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта No. 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции» / This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10051, "The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition".

The acquisition of borrowed terminology in the *Logic* by Makary Petrovich

The *Logic* by Makary Petrovich (1758) is a valuable source on the history of philosophy and in particular, philosophical terminology. Being a pioneer in many spheres, Petrovich fills up his philosophical vocabulary by using new lexemes. The investigation of the *Logic* allowed to identify several hapaxes and to date back the first fixations of some words to an earlier time, which is an important contribution to the historical lexicology of the Russian language. Besides, the atypical inflection of the borrowed lexemes, known from the earlier written monuments, were noted in the philosophical text. As for the presentation of his material, Petrovich regularly uses glossing according to the “...” or “...” model. The choosing of the term is not always determined by the source, and some pairs of words are repeated throughout the text. As it seems, this is due to the well-known main task of the monument — to educate, i.e., to make understandable presentation of the material. The paper is based on the historical dictionaries and the National Corpus of the Russian Language.

Даниш Мирослав / Miroslav Danis

Университет Коменского в Братиславе, Братислава, Словакия, профессор, PhD in History / Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia, Associate Professor, PhD in History

Научные взгляды словацкого византолога Александра Авенариуса

Университетский профессор Александр Авенариус (1942–2004) заложил в словацкой науке глубокие и крепкие основы византологии как научного направления. В 1990-е годы в его научно-педагогической мастерской была подготовлена целая школа молодых специалистов-византологов, которые продолжили его дело в области словацкой византологии на современном этапе. А. Авенариус справедливо рассматривал византологию как комплекс различных научных дисциплин, изучающих такие аспекты жизни византийского общества, как история, культура, язык, литература, искусство и повседневность. Итогом первого этапа его научной деятельности стала публикация в 1974 г. монографии на немецком языке «Авары в Европе», которой предшествовали отдельные научные исследования, посвященные проблематике аваров и их отношений с Византией и славянами. В дальнейшем в центре его научного интереса оказалась история византийско-славянских отношений, особенно в аспекте византийского влияния на культурное развитие славянских народов. В начале 1990-х гг. он стал одним из участников коллектива ученых, подготовивших к изданию в 1992 г. первое комплексное исследование византийской истории и культуры, которое было опубликовано в издательстве «Академия» в Праге. В этом труде его перу принадлежат две главы, посвященные периоду Иконоборчества в контексте византийско-арабских войн, а также византийской культуре в славянском пространстве. В последнее десятилетие своей научной жизни профессор А. Авенариус весьма интенсивно занимался периодом Иконоборчества, размышляя над феноменом иконы в самом широком его контексте. А. Авенариус относится к одним из самых авторитетных исследователей словацкой академической науки, чьи взгляды повлияли на ее развитие. Представленное исследование включает анализ научных идей, содержащихся в наиболее значительных работах А. Авенариуса.

Scientific views of the Slovak byzantologist Alexander Avenárius

Professor Alexander Avenárius (1942–2004) laid a deep and solid foundation of byzantology as a scientific discipline in Slovakia. His scientific and pedagogical endeavoured in the 1990s to an emergence of young experts — byzantologists, who are nowadays developing the scientific activity in the field of Slovak byzantology. The main scientific interest of Alexander Avenárius was byzantology as a set of various scientific disciplines dealing with the history, culture, language, literature, art and the whole life of the Byzantine society from various aspects. First scientific phase in the work of professor Avenárius culminated after the publication of partial scientific studies devoted to the subject of the Avars and their relations with the Byzantine Empire and the Slavs and with the publication in 1974 of the monograph *The Avars in Europe*, published in German. After the completion of the monograph on the Avars, the focus of his interest shifted to the field of Byzantine-Slavic relations and to the research on the part of Byzantine influence in the cultural development of the Slavic peoples. In the early 1990s he was invited to collaborate on the first Czech-Slovak synthesis of Byzantine history and culture, published in 1992 by the publishing house in Prague Academia. In this synthesis he is author of two chapters devoted to the period of the iconoclastic crisis in the context of Byzantium's struggles with the Arabs and to Byzantine culture in the Slavic environment. In the last decade of his scientific life

professor Avenárius was very intensively engaged in the problem of Byzantine iconoclasm and the icon in the broad context of its understanding. A. Avenárius was one of the opinion leaders in the field of our academic historical science. The present paper presents an analysis of the scientific views of the most important works of A. Avenárius.

Макаров Дмитрий Игоревич / Dmitry I. Makarov

Уральская государственная консерватория им. М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия, профессор, доктор филос. наук / The Urals State M.P. Mussorgsky Conservatoire, Ekaterinburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Бог и горизонты виртуального: Размышления византолога над книгой К.Г. Фролова «Горизонты возможного. Очерки аналитической метафизики»

Виртуальные миры могут быть как у каждого человека свои, так и общие (групповые, партийные, конфессиональные, дружеские и т.п.). Так, Дульсинья Тобосская для Дон Кихота не равна её реальному прототипу. Воображаемая Дон Кихотом Дульсинья — типичный ментальный объект, исключительно сложно переплетающийся с его самопредставлением в создаваемых им виртуальных мирах. В данной работе будет отстаиваться представление о том, что *нет такого виртуального мира, то есть мира сознания (переживаний, жизнеощущения, мирочувствия и т. п.) некоего субъекта, в котором не был бы представим Бог*. На его основании можно построить новые формулы антипаламитской (например, Акиндина) теологии в духе логики эксплицитных и имплицитных верований Фейгина и Гэльперна (1988), которые помогут уяснить суть антипаламитской ереси и паламитских ответов на неё.

God and the Horizons of Virtual. Some Considerations of a Byzantinist at the Margin of Constantine Frolov's *Horizons of Possible. Essays in Analytical Metaphysics*

Possible worlds can be either different persons' own ones or common to different groups (friendly, confessional etc.). Thus, Dulcinea del Toboso was not the same girl for Don Quijote as was her 'real' prototype in the novel text. The other Dulcinea from his imagination is a typical mental object, extremely intricately intertwined with Don Quijote's own self-representation in those possible worlds which he was constructing in his mind. In the work we make a case that *there is no possible world, i.e., a world of someone's consciousness, of such a kind that it could not be a place for God to be represented*. This case enables us to build up new formulas of some important trends of the anti-Palamites' (say, Akindynos') theology in a similar vein to the Fagin and Halperin's 1988 logic of explicit and implicit beliefs. These graphic representations bring the anti-Palamite heresy and the subsequent Palamite responses closer to the center of our thinking.

Тантлевский Игорь Романович / Igor R. Tantlevskij

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук, PhD / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Professor, DSc in Philosophy, PhD

Библейский «коррелят» наименования «Россия» как «*prooftext*» для обоснования доктрины «Москва — Третий Рим»¹²

Автор доклада исходит из того, что библейская идеология, доктрины, даже терминология — в ряде случаях в глубоко латентных и малоизвестных аспектах — коррелирует с российскими концептами и идеологемами государственно-имперского характера, причем подчас самым причудливым образом; механизм их изначальной рефлексии и адаптации во многих случаях остается малоизученным, и оттого они подчас некорректно интерпретируются. Так, например, Россия — *в этой форме* наименования нашего государства, не *Русь*, — оказывается наряду с Израилем единственными странами в мире,

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 21-18-00153 в Санкт-Петербургском государственном университете / The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153, Saint Petersburg State University.

названия которых восходят прямо к Священному Писанию: именно, наименование «Россия», как предполагается, восходит к др.-евр. $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ (досл. «голова», «глава»), некорректно понятому Септуагинтой в *Иез.*, гл. 38, как название «далекой северной страны $\rho\omega\varsigma$ », *Rōs* (*Иез.* 38:2–3, 6; см. также: 39:1). Пророк Иезекиил говорит о могучей в военном плане и агрессивной в отношении Святой Земли державе, во главе которой стоит Гог. Последний характеризуется следующим образом: «Гог, князь ($\alpha\iota\psi\iota\alpha n\bar{a}\bar{s}\bar{i}'$), глава ($\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$) [или: “главный князь”. — *И. Т.*] Мешеха ($\eta\psi\mu\eta\sigma\epsilon\kappa$) и Тувала». Переводчик Иезекиила в Септуагинте принял слово $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ (здесь: «глава») за наименование страны (или народа) и перевел пассаж следующим образом: «Гог, князь ($\alpha\rho\chi\omega\nu$) Роса ($\rho\omega\varsigma$), Мосоха ($\mu\omicron\sigma\omicron\chi$) и Тобела». Когда византийские историки и анналисты стали коррелировать страны и языки своего времени с народами и землями, упомянутыми в Библии, $\rho\omega\varsigma$ Септуагинты, естественно, был идентифицирован с варяжской династией (племенем) Ros (произносится как *Рус*), которое происходило из мест, относящихся к территории нынешней Швеции (один из районов в Северной Швеции и ныне называется Roslagen, т. е. «округ русов»; а по-фински Швеция именуется Ruotsi). Падение Константинополя (1453 г.) послужило мощнейшим толчком к разработке доктрины «Москва — Третий Рим» в Великом княжестве Московском и принятием Иван IV Грозным титула *цѣсарь/царь* (лат. *caesar*; др.-греч. $\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$). Принимается и византийская форма наименования страны — $\rho\omega\sigma(\sigma)\iota\alpha$, resp. *Рос(с)ия*; русский же стал обозначаться как *росс* в поэтическом языке. (NB: еврейская буква ψ («шин») неоднократно передается через две греческие «сигмы».) Кроме того, само выражение $\rho\omega\varsigma \mu\omicron\sigma\omicron\chi$ (LXX; евр. $\eta\psi\mu\eta\sigma\epsilon\kappa \psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ *mešek*) могло интерпретироваться как Русь Московская (т. е. $\mu\omicron\sigma\omicron\chi = \text{Москва}$; наименование *Москва* в ср.- и н.-греч. — $\mu\omicron\sigma\omicron\chi\alpha$). Любопытно, что в Вульгате др.-евр. $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ понято и переведено корректно — *caput* («глава», «голова»), и наименование нашего государства в западной традиции (восходящее к лат. *Russia*) не коррелировало с $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ Иезекиила; таким образом, концепция соотнесения развития российской государственности с библейскими пророчествами здесь отсутствовала.

The Biblical “Correlate” of the Name “Russia” as a “Prooftext” for the Justification of the Doctrine of “Moscow — the Third Rome”

The author of the report assumes that Biblical ideology, doctrines, even terminology — in some cases in very latent and obscure aspects — correlate with the Russian concepts and ideologemes of state-imperial character, and sometimes in a most bizarre way; the mechanism of their initial reflection and adaptation in many cases remains poorly studied, and that is why they are sometimes interpreted incorrectly. So, for example, *Russia* — in this very form of the name of our state, not *Rus'* — appears, along with Israel, to be the only countries in the world whose names go directly back to the Holy Scriptures: namely, the name “Russia”, as is supposed to be the case, goes back to Hebrew $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ (lit. “head”, “head”), incorrectly understood by the Septuagint in *Ezek.*, ch. 38, as the name for the “far northern country of $\rho\omega\varsigma$ ”, *Rōs* (*Ezek.* 38:2–3, 6; see also 39:1). The prophet Ezekiel speaks of a militarily mighty and aggressive power against the Holy Land, headed by Gog. The latter is characterized as follows: “Gog, prince ($\alpha\iota\psi\iota\alpha n\bar{a}\bar{s}\bar{i}'$), head ($\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$) [or: “chief prince”. — *I. T.*] of Meshech ($\eta\psi\mu\eta\sigma\epsilon\kappa$) and Tubal.” Ezekiel’s Septuagint translator took the word $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ (here: “head”) as the name of the country (or people) and translated the passage as follows: “Gog, prince of Ros ($\alpha\rho\chi\omega\nu\tau\alpha \rho\omega\varsigma$), Mosoch ($\mu\omicron\sigma\omicron\chi$) and Tobel.” When Byzantine historians and annalists began to correlate the countries and languages of their time with the peoples and lands mentioned in the Bible, the $\rho\omega\varsigma$ of the Septuagint was naturally identified with the Varangian dynasty (tribe) Ros (pronounced *Rus*), which came from places in what is now Sweden (one area in northern Sweden is now still called *Roslagen*, i.e. “district of the Ruses”; and in Finnish Sweden is called *Ruotsi*). The fall of Constantinople (1453) was a powerful impetus for the development of the “Moscow — Third Rome” doctrine in the Grand Duchy of Moscow and the adoption by Ivan IV the Terrible of the title *tsar* (Lat. *caesar*; Gr. $\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$). The Byzantine form of the country name, $\rho\omega\sigma(\sigma)\iota\alpha$, resp. *Ros(s)ia*; Russian, on the other hand, came to be referred to as *Ross* in poetic language. (NB: the Hebrew letter ψ (“shin”) is not once rendered through two Greek “sigmas”.) Furthermore, the very expression $\rho\omega\varsigma \mu\omicron\sigma\omicron\chi$ (LXX; Heb. $\eta\psi\mu\eta\sigma\epsilon\kappa \psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ *mešek*) could have been interpreted as *Rus'* of Moscow (i.e. $\mu\omicron\sigma\omicron\chi = \text{Moscow}$; the name “Moscow” in Middle and New Greek is $\mu\omicron\sigma\omicron\chi\alpha$). It is noteworthy that in the Vulgate the Hebrew $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ is understood and translated correctly — *caput* (“head”, “head”), and the name of our state in the Western tradition (derived from the Latin *Russia*) was not correlated with $\psi\kappa\alpha r \bar{r}\bar{o}'\bar{s}$ of Ezekiel; thus, the concept of correlating the development of Russian statehood with Biblical prophecies was missing here.

Богатов Михаил Александрович / Mikhail A. Bogatov

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, профессор, доктор филос. наук / Saratov State University, Saratov, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Синицын Александр Александрович / Alexander A. Sinitsyn

Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Russian Christian Academy for Humanities, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in History

Античность — Европа — Россия: О «роковых интерпретациях» в языковом и культурном переводах, о народе, власти, красоте и русской культуре (замечания к тезисам Ф. Федые)

Доклад посвящен рассмотрению тезисов французского философа, писателя, публициста и переводчика Франсуа Федые (1935–2021), изложенных им в философско-культурологических очерках, вышедших в русском переводе отдельной книгой в 2020 г. под названием «“Мир спасет красота”. В России». Анализу подвергаются взгляды Федые на античную культуру, а также на различие европейского и русского менталитетов. Что касается истории античной мысли, то Федые затрагивает две важных темы: во-первых, проблему перевода важнейших для гуманитарного знания терминов — в частности, с древнегреческого на латынь, который осуществили древнеримские философы. Здесь, следуя канве «истории бытия» М. Хайдеггера, Федые говорит о «роковых» для всей истории европейской мысли интерпретациях. Однако, в отличие от Хайдеггера, он полагает, что римляне «перехватили» греческие смыслы, не дав раскрыться своим собственным. Из этого, согласно Федые, следует не только их собственная судьба, но и общеевропейская судьба государств и народов. Во-вторых, внимание Федые концентрируется на понятии «народ». Второе эссе посвящено поездке Федые в Россию (в Москву, в гости к Владимиру Бибикину, и в подмосковную деревню Азаровку, в дом Ольги Седаковой), то рассуждение о «народе» распространяется уже не только на античные значения этого термина, но и на различие в русском и преимущественно немецком его понимании. Здесь в суждении Федые скрывается своего рода наивный ход мысли: философ пытается совместить свои первичные личные впечатления от виденного в России с некими ментальными конструкциями, которые ему знакомы (в частности, он опирается на работы Хайдеггера). Проблема в том, что первичные личные впечатления Федые получает сквозь призму сформировавшихся западных клише о России и русской культуре, которыми полнится европейское сознание. Поскольку эти устойчивые межкультурные оптики видения служат условием восприятия, то и суждения Федые о понимании народа и народности в России получаются достаточно своеобразными. Ярче всего это заявляет о себе, когда он старается вникнуть (в ходе диалога с Бибикиным) в авторскую бибикинскую концепцию русской истории, и, одновременно с этим, в вытекающую из этой концепции переводческую стратегию, применяемую русским мыслителем по отношению к Хайдеггеру. Здесь заявляет о себе одно примечательное обстоятельство: французское представление о народе у Федые куда ближе немецкому представлению Хайдеггера, чем бибикинская попытка схватить в мысли своеобразие русского понимания народности. Перед нами диалог, который не может состояться по принципиальным исходным установкам собеседников. Анализу этих установок и посвящается предлагаемый доклад.

Antiquity — Europe — Russia: On “fatal interpretations” in linguistic and cultural translations, on the people, the power, and beauty in the Russian culture (remarks to F. Fédier’s theses)

The report deals with the theses as expounded in philosophy- and culture-oriented essays by a French philosopher, writer, publicist and translator, François Fédier (1935–2021), the Russian version of which came out as a single book in 2020, entitled ““Beauty will Save the World’. In Russia”. It analyzes Fédier’s views on the ancient culture, as well as the European and Russian mentality. As to the history of the ancient thought, Fédier touches upon two important themes: first, the issue of translating terms, which are fundamental in the classical scholarship, in particular, from the Ancient Greek into Latin, as was the practice with the ancient philosophers. Here, following Martin Heidegger’s rendering of the ‘real history’, Fédier speaks about interpretations that proved ‘fatal’ for the whole history of the European thought. Yet, contrary to Heidegger, he believes that the Romans ‘absorbed’ the Greek understanding having nipped their own in the bud. Here hence, according to Fédier, it is not only their own destiny, but also the common European destiny of states and nations. Second, Fédier concentrates on the notion of ‘the people’. The second essay is devoted to Fédier’s journey to Russia (to

Moscow, to visit Vladimir Bibikhin, and to the village of Azarovka, off Moscow, to Olga Sedakova's home), and his discourse on 'the people' goes beyond the ancient meanings of the term to encompass the differences in its understanding by Germans and Russians. Here Fédier reveals his naïve train of thought: the philosopher tries to match his initial personal impressions of whatever he has seen in Russia with certain mental, familiar constructions (in particular, he draws upon Heidegger's works). The trouble is that Fédier perceives Russia and the Russian culture through the prism of the established Western clichés, which constitute the European conscience. Since these set intercultural visions determine his perception, Fédier's judgments of 'the people' and 'the national character' are rather peculiar. He is at his best when he attempts to grasp (during his dialogue with Bibikhin) the Bibikhin conception of the Russian history, and, at the same time, the ensuing translation strategy applied by the Russian thinkers to Heidegger. Here, one thing does stand out: Fédier's French perception of the people is much closer to that that the Germans mean by 'das Volk', which M. Heidegger shares, than to Bibikhin's attempt to grasp the peculiarity of the Russian perception of the national character. So, before us is the dialogue that cannot happen because of the principal differences in the interlocutors' stands. The present report purports to analyze these tenets.

Алымова Елена Валентиновна / Elena V. Alymova

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, доцент, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Трагедия Софокла «Эдип-царь» в интерпретации С.С. Аверинцева

«Эдип-царь» Софокла — образцовая трагедия классической эпохи. Таковой признана еще в Античности. Сочинение Софокла семантически насыщено и многослойно. С.С. Аверинцев в статье, посвященной этой трагедии («К истолкованию символики мифа о Эдипе»), назвал ее «поэтической реализацией смыслового содержания целой эпохи». В докладе будет рассмотрена оригинальная интерпретация С.С. Аверинцева.

Sophocles' Tragedy *Oedipus Rex* in Interpretation of S.S. Averintsev

Oedipus Rex of Sophocles is a model tragedy of the Classical Epoch of Greek culture. It was appreciated as such already in the Antiquity. This Sophoclean masterpiece is semantically imbued and multilayered. Sergey Averintsev wrote an article (*Toward an Interpretation of the Symbolism of the Oedipus Myth*) where he calls it "a poetic realization of the purport of the whole epoch". Our paper deals with this original interpretation of S.S. Averintsev.

Ищенко Нина Сергеевна / Nina S. Ishchenko

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, ЛНР, доцент, канд. филос. наук / Luhansk State Pedagogical University, Luhansk, LPR, Associate Professor, CSc in Philosophy

Ослепление претендента на престол в византийской и русской культуре

В докладе проводится культурно-исторический и философско-культурологический анализ специфического отношения к ослеплению претендента на княжеский стол в древнерусской культуре. Рецепция византийской правовой нормы анализируется в контексте диалога культур. Показана решающая роль интуиции телесности в греческой культуре, рассмотрена трансляция этой интуиции в процессе христианизации Византии. Телесность царя для грека выступает символом космического порядка и Божественного благословения, выраженного в царском образе, поэтому слепец, чья телесная целостность нарушена, не может стать царем. В русской культуре унаследованное от языческого периода отношение к телесной красоте позволяет трактовать телесное совершенство как принадлежность мира, который должен отринуть христианин, телесность царя не связана напрямую с духовностью и божественностью. Таким образом, византийская казнь ослеплением основана на культурном архетипе телесности, который не был сохранен в русской культуре в ходе культурного диалога. В работе показано, что единство рода Рюриковичей и политическое положение Руси в течение

первых столетий ее истории способствовало размыванию и уничтожению византийской правовой нормы при несомненном доминировании византийской культуры в диалоге.

The Blinding of the Pretender to the Throne in Byzantine and Russian Culture

The paper provides a cultural-historical and philosophical-cultural analysis of the specific attitude to the blinding of the applicant for the princely table in the Old Russian culture. The reception of the Byzantine legal norm is analyzed in the context of the dialogue of cultures. The decisive role of the intuition of corporeality in Greek culture is shown, the translation of this intuition in the process of Christianization of Byzantium is considered. The corporeality of the king for the Greek is a symbol of cosmic order and Divine blessing expressed in the royal image, therefore a blind man whose bodily integrity is violated cannot become a king. In Russian culture, the attitude to bodily beauty inherited from the pagan period allows us to interpret bodily perfection as belonging to the world that a Christian should reject, the physicality of the tsar is not directly related to spirituality and divinity. Thus, the Byzantine execution by blinding is based on the cultural archetype of corporeality, which was not preserved in Russian culture during the cultural dialogue. The paper shows that the unity of the Rurik family and the political situation of Russia during the first centuries of its history contributed to the erosion and destruction of the Byzantine legal norm with the undoubted dominance of Byzantine culture in the dialogue.

Европейская мысль от Античности к Модерну и ее рецепции в России

Виноградов Дмитрий Александрович / Dmitry A. Vinogradov

Российский государственный университет им. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, аспирант / Russian State Pedagogical Herzen University, Postgraduate

Предмет и метод первой и второй философии Аристотеля

В докладе рассматривается отношение философии и опыта в античности на материале последнего представителя классической мысли древности — Аристотеля. Теоретическая форма исследования истории философии, излагаемая Стагиритом, позволяет понять место и роль его учения в отношении к учениям предшественников, а также обнаружить необходимость предмета первой философии, на основании которой афинский философ преодолевает односторонне-отрицательное отношение к опыту, присущее античной мысли. Это открытие позволяет Аристотелю по-философски отнестись к особым сферам природы и духа и подарить человечеству первый набросок научной философии, в которой предмет первой философии выступает двояко: как логическая форма рассудочного познания во второй философии и как начало природы — в третьей. Учение Аристотеля указывает всей последующей истории мышления первостепенную задачу — усвоение этого вполне разумного метода мышления и развитие его предмета.

The subject and method of the first and second philosophy of Aristotle

The report discusses the relationship between philosophy and experience in antiquity based on the material of the last representative of the classical thought of antiquity — Aristotle. The theory of the history of philosophy set forth by Stagirite allows us to understand the place and role of his teaching in relation to the achievements of his predecessors, as well as to reveal the need for the subject of the first philosophy, based on which the Athenian philosopher overcomes a one-sided negative attitude towards experience inherent in ancient thought. This discovery allows Aristotle to take a philosophical attitude to the special spheres of nature and spirit and to give mankind the first draft of scientific philosophy, in which the subject of the first philosophy appears in two ways: as a logical form of rational knowledge in the second philosophy and as the beginning of nature — in the third. Aristotle's teaching indicates to the whole subsequent history of thought the paramount task — the assimilation of this completely rational method of thinking and the development of its subject.

Протопопов Иван Алексеевич / Ivan A. Protopopov

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, доцент, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Associate Professor, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Бесконечный разум как основание бытия чувственно воспринимаемых вещей, сообразно принципу причинности и взаимодействия в ранних произведениях Канта¹³

Статья посвящена анализу понятия разума в соотнесении с принципом причинности и взаимодействия ранних докритических произведений Канта. Автор показывает, что божественный разум, выступает в раннем «докритическом» проекте кантовской философии, в отличие от положений «Критики чистого разума», определяющим основанием всех возможных вещей в мыслимых нами понятиях и причиной существования этих вещей в чувственном мире сообразно этим понятиям. Этот разум, мышление которого тождественно действительному бытию, обуславливает само существование единства определений любой мыслимой нами единичной вещи в её полном понятии, независимо от её чувственного восприятия. Сообразно положениям раннего Канта, только бесконечный божественный разум, а не ограниченный человеческий рассудок может быть причиной той безусловной всеобщности, сообразно которой мы можем мыслить изначальную связь многообразного содержания чувственно воспринимаемого мира, определяемого через понятия причинности и взаимодействия всех его объектов. В результате все три положения о субстанции, причинности и взаимодействии, которые затем определялись в «Критике чистого разума» как аналогии опыта, мыслятся у раннего Канта исходя из действительной умопостигаемой формы мира и составляют первые условия бытия всех чувственно воспринимаемых вещей. Понятие об этой умопостигаемой форме мира, независимой ни от какого чувственного восприятия основывается на собственном кантовском онтологическом доказательстве бытия высшего существа, которое противопоставилось им декартовскому.

Infinite reason as the basis of the existence of sensually perceived things, according to the principle of causality and interaction in Kant's early works

The paper analyses the concept of reason in relation to the principle of causality and interaction in Kant's early "precritical" works. The author shows that in contrast to the concepts of the "Critique of Pure Reason", the divine mind appears in the early "precritical" project of Kantian philosophy as a determining basis of all possible things in the concepts we conceive and the cause for the existence of these things in the sensory world in accordance with these concepts. This reason, whose thinking is identical with actual being, determines the existence of the unity of definitions of any single thing we could think of in its full concept, independently of its sensory perception. According to the provisions of early Kant, only the infinite divine mind, and not the limited human understanding, can be the cause of that unconditional universality, according to which we can think of the original connection of the manifold content of the sensually perceived world, defined through the concepts of causality and interaction of all its objects. As a result, all three propositions on substance, causality and interaction, which were then defined in the "Critique of Pure Reason" as analogies of experience, were conceived by early Kant on the basis of an actual intelligible form of the world and constitute the first conditions for the existence of all sensually perceived things. The concept of this intelligible form of the world, independent of any sensual perception, is based on Kant's own ontological proof of the existence of God, which he opposed to Cartesian.

Лёшев Владимир Алексеевич / Vladimir A. Lyoshev

Российский государственный университет им. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, аспирант / Russian State Pedagogical Herzen University, Postgraduate

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00746 «Философия и теология в немецком классическом идеализме: история взаимодействия и взаимопроникновения» / The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00746 "A Philosophy and theology in German classical idealism: a history of interaction and interpenetration".

Генезис исторической и моральной религии в учении И. Канта

Происхождении религии и религиозного сознания — одна из главных тем для философии религии. Философия в ходе своего исторического развития вступает в такую форму самосознания, которая позволяет ей постичь отношение своего предмета и метода к другим формам духовной жизни. Важнейшие достижения в этом направлении принадлежат представителям немецкой классической философии, в особенности И. Канту — зачинателю этой традиции.

В предлагаемом докладе разбирается генезис исторической и моральной религии в рамках критической философии И. Канта. Немецкий мыслитель различает религию богослужебную и моральную. Богослужение как способ почитания божественного находит свой источник не в разуме, а в склонности человека понимать исполнение долга в качестве дела нечеловеческого, а целиком божественного. Отсюда проистекает богопочитание как выражение покорности богу и его законодательству, как чему-то внешнему. Понятие чистой моральной религии подразумевает единство божественной и человеческой природы в исполнении морального законодательства. Моральный закон есть божественное в человеке и его исполнение уже есть служение в высшем смысле.

The genesis of historical and moral religion in the teachings of I. Kant

The origin of religion and religious consciousness is one of the main topics for philosophy of religion. Philosophy, in the course of its historical development, enters into a form of self-consciousness that enables it to comprehend the relation of its object and method to other forms of spiritual life. The most important achievements in this direction belong to the representatives of German idealism.

The proposed report analyzes the genesis of historical and moral religion within the framework of the critical philosophy of I. Kant. The German thinker distinguishes between liturgical and moral religion. Worship as a way of honoring the divine finds its source not in the mind, but in the tendency of a person to understand the performance of duty as a deed inhuman, but entirely divine. Hence comes worship as an expression of obedience to God and his legislation, as something external. The concept of pure moral religion implies the unity of divine and human nature in the execution of moral legislation. The moral law is divine in man, and its fulfillment is already service in the highest sense.

Ноговицин Олег Николаевич / Oleg N. Nogovitsin

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник, канд. филос. наук / Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Senior researcher, CSc in Philosophy

Суд совести в метафизике И. Канта: моральный, правовой и социо-религиозный контексты

В докладе будут рассмотрены основные концептуальные построения Канта в области морали, права и религии, которые являются существенными условиями формирования специфической морально-политической конструкции, каковой является кантовское понятие совести (и суда совести), а также его эстетико-политический аналог в понятии «чистой совести». В связи с данной задачей будут также проанализированы основные контексты применения и формулировки данных понятий в корпусе опубликованных Кантом сочинений (корпус книг и статей, посвященных практической философии, «Религия в пределах только разума», «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?»), проблематика кантовской критики пробабилистской казуистики совести и новой казуистики чистой совести, к которой приводит кантовская интерпретация совести при помощи открытого им категорического императива морали. Как итог исследования будет рассмотрен контекст рациональной аллегорезы книги Иова, которая представляется Кантом («О неудачах всех философских попыток теодицеи») в виде моральной теологии чистой совести как идеального истока социальной и личной идентичности субъекта исторического процесса.

Court of conscience in the metaphysics of I. Kant: moral, legal and socio-religious contexts

In the paper, we are to scrutinize Kant's basic conceptual build-ups in the area of morality, law and religion sufficient for the formation of specific moral-political construction, which is the Kantian concept of conscience (and court of conscience), as well as its aesthetico-political analog in the concept of "pure conscience". Within

this task, there will be also analyzed the basic contexts of applying and formulating these concepts within the bulk of Kant's published works (collection of books and articles concerning practical philosophy, "Religion within the limits of reason alone", "Answering the question: What is Enlightenment?", the problem field of Kantian critique of probabilistic casuistic of conscience and new casuistic of pure conscience, to which leads Kant's interpretation of conscience with the assistance of the categorical imperative of moral found by him. As a result of the study, we will review the context of rational allegoresis of the book of Job, which is represented by Kant ("On the failure of all attempted philosophical theodicies") in the form of moral theology of pure conscience as an ideal source of social and personal identity of a subject of the historical process.

Иваненко Антон Александрович / Anton A. Ivanenko

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, ассоциированный научный сотрудник, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, Associate Professor, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia, Associate Researcher, CSc in Philosophy

Философия религии И.Г. Фихте и христианство¹⁴

Отношение И.Г. Фихте к христианству имеет два основных аспекта. Первый из них связан с фундаментальным для трансцендентализма установкой, что дух, или интеллигенция, обладает неизменной структурой. Наиболее важным в ракурсе темы соотношения философии религии автора наукоучения и исторических религий следствием является его представление о том, что в основе последних лежит irrelevantное, внеисторическое содержание. Отсюда проистекает трактовка Фихте истории и текстов христианства в ключе выявления такого предполагаемого им содержания и слепота в отношении исторической динамики религии. Вторым аспектом является представление великого идеалиста о непознаваемости Бога в себе, согласно ему, Бог познаваем лишь в отношении к человечеству. Ближайшим следствием этого убеждения у Фихте является исключение им из теологии учения о Боге и ограничение ее учением о Божественной жизни в человеке и человечестве. Практическое следствие указанных аспектов его отношения к христианству заключается в стремлении немецкого философа очистить его от элементов, представляющихся ему посторонними истинной религии как таковой. Определяющую роль при этом у Фихте играет противопоставление христианства Иоанна христианству Павла. Первое базируется на непосредственном единении с Богом, второе же устанавливает договорное, т.е. внешнее отношение между ним и человеком.

Philosophy of Religion by J.G. Fichte and Christianity

J.G. Fichte's attitude to Christianity has two main aspects. The first of them is connected with the fundamental attitude of transcendentalism that the spirit, or *intelligenz*, has an unchangeable structure. The most important consequence in the perspective of the topic of the correlation of the philosophy of religion of the author of *Wissenschaftslehre* and historical religions is his idea that they are based on irrelevant, non-historical content. Hence, Fichte's interpretation of the history and texts of Christianity in the way of revealing such a supposed content and blindness to the historical dynamics of religion. The second aspect is the idea of the great idealist about the unknowability of God in himself, according to him, God is knowable only in relation to humanity. The immediate consequence of this belief by Fichte is his exclusion of the doctrine of God from theology and its limitation to the doctrine of the Divine life in man and humanity. The practical consequence of these aspects of the his attitude towards Christianity is the desire of the German philosopher to purify it from elements that seem to him extraneous to true religion as such. The decisive role in this case by Fichte is played the opposition of John's Christianity to Paul's Christianity. The first is based on direct union with God, while the second establishes a contractual, i.e. external relationship between him and man.

¹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00746 «Философия и теология в немецком классическом идеализме: история взаимодействия и взаимопроникновения» / The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00746 "A Philosophy and theology in German classical idealism: a history of interaction and interpenetration".

Паткуль Андрей Борисович / Andrei B. Patkul

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Позитивная философия как преодоление онто-тео-логии: интерпретация поздней мысли Ф.В.Й. Шеллинга у Л. Тенгели¹⁵

В докладе будет представлена реконструкция интерпретации идеи позитивной философии у позднего Шеллинга, предложенной Ласло Тенгели в его книге «Мир и бесконечность» (2014).

Тенгели указывает, что позитивная философия, как ее понимал Шеллинг, — это философская наука, которая имеет дело не с сущностями («что») вещей, как это имеет место в случае негативной философии, а с действительным существованием. Она начинается с того, что сам Шеллинг называет «предмыслимым бытием», которое всегда уже упредило мышление. Само обращённое на себя мышление, помывлив всю полноту своих содержаний, обнаруживает, что эту полноту уже должно предварять некоторое действительное бытие, превышающее мышление. Такое бытие мышление обнаруживает экстатически, т.е. выходя вовне себя и полагая это бытие как внешнее себе. Шеллинг именует его также «только сущим», «слепо сущим», поскольку разум не может ничего о нем сказать, кроме того, что оно есть. Задача позитивной философии заключается в том, чтобы апостериори, обращаясь к опыту «от начала и до конца», показать, что это бытие есть бытие Бога. Это длящееся, никогда не завершаемое доказательство Бога.

Тенгели настаивает на том, что здесь Шеллинг предпринимает критику того, что ещё Хайдеггер назвал онто-тео-логическим строением европейской метафизики, поскольку Шеллинг ориентируется не на доказательство бытия Бога из его понятия, а напротив, демонстрирует, что несомненно сущее может быть только Богом в смысле *omnitude realitatis*. Он, таким образом, исходит из существования и пытается перейти от него к сущности, а не наоборот. Это дает также Шеллингу возможность понимать Бога шире, чем необходимо существующее существо, а именно как сущее, свободное от бытия, в чью жизнь включён момент контингентности.

Positive Philosophy as Overcoming Onto-Theo-Logy: An Interpretation of Late Thought of F.W.J. Schelling in L. Tengelyi

In my talk, I will present the results of my reconstruction of László Tengelyi's interpretation of the idea of positive philosophy in late Schelling. This interpretation Tengelyi proposed in his book "Welt und Unendlichkeit" (2014).

Tengelyi outlines that positive philosophy in Schelling's sense is a philosophical science which deals with the real existence of the things but not with common entities ("what") as negative philosophy does. It starts right from — in Schelling's terms — unprethinkable being which always already preceded the thinking. Thought turned upon itself, having thought of the fullness of its contents, finds that this fullness must already be preceded by some real being that exceeds thinking. Thinking reveals such being ecstatically, i.e. going outside of itself and positing this being as external to itself. Schelling also calls it "only existing", "blindly existing", since the mind cannot say anything about it, except that it is. The task of positive philosophy is to show a posteriori, referring to experience "from beginning to end", that this being is the being of God. It is a continuing, never-ending proof of God.

Tengelyi insists that here Schelling is undertaking a critique of what Heidegger called the onto-theo-logical structure of European metaphysics, since Schelling does not focus on proving the existence of God from his concept, but, on the contrary, demonstrates that undoubtedly existing can only be God in the sense *omnitude realitatis*. He thus proceeds from existence and tries to pass from it to essence, and not vice versa. This also gives Schelling the opportunity to understand God in a wider sense than an existing being is necessary, namely as a being, free from being, in whose life the moment of contingency is included.

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00746 «Философия и теология в немецком классическом идеализме: история взаимодействия и взаимопроникновения» / The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00746 "A Philosophy and theology in German classical idealism: a history of interaction and interpenetration".

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, доцент, канд. филос. наук / Moscow aviation institute (national research university), Moscow, Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

Логическое учение Людвиг Кондратьевича фон Якоба в контексте критической философии

В статье рассматривается логическое учение Людвиг Генриха фон Якоба (1759–1827), философа и логика времени немецкого Просвещения. Сочинение Якоба по логике «Начертание всеобщей логики и критические начала всеобщей метафизики» (1788). Предлагаемый перевод этого сочинения сделан с четвертого издания 1800 г. В докладе рассматривается устройство логической концепции Л.Г. фон Якоба, вскрывается структура сочинения, состоящего из четырех взаимосвязанных частей: 1) Элементарного учения логики, 2) Логического учения о методе, 3) Диалектики или критики истинного, и 4) Критические начала всеобщей метафизики. Показывается, что Л.Г. фон Якоб в этом фундаментальном труде развивал концепцию, что в науке логики необходимо использовать символы и формулы математики, которые в данной логике будут являться знаками, обозначающими значения понятий. Поэтому логику по мысли Якоба надо редуцировать к математике, чтобы приблизиться к точности и порядку. Цель своего труда Л.Г. фон Якоб определял в качестве плана сделать введение в научное изучение философии. Для этого необходимо изучать законы, по которым мыслит рассудок, и условия, под которые он должен подстраиваться, чтобы с их учетом правильно мыслить. Якоб разрабатывал в своей логике учение о сорите, о гипотетических суждениях. Якоб являлся собеседником Канта. Доказывается, что Л.Г. фон Якоб, являясь с одной стороны учеником и последователем Канта, а поэтому продолжателем критицизма в философии, с другой стороны, он старался построить и самостоятельную логику, которая бы по его мысли включала в себя и метафизику. Поэтому показывается, что его труд по логике включал как само логическое учение, так и части критического анализа «практического разума», а также критику познавательной способности разума. Показывается, что по замыслу Якоба все увенчивала критически разработанная метафизика. Концепция логического сорита, построения гипотетических рассуждений является в логическом учении Л.Г. фон Якоба инструментом исследования и порождения смыслов. Около 10 лет Л.Г. фон Якоб жил и работал в России с 1807 по 1816 гг.

The logical doctrine of L. H. von Jakob in the context of critical philosophy

The logical teachings of Ludwig Heinrich von Jacob (1759–1827), the philosopher and logic of the time of the German Enlightenment are considered. Jacob's work on logic "The drawing of universal logic and the critical principles of universal metaphysics" (1788). The proposed translation of this essay has been made since the fourth edition of 1800. The report examines the structure of the logical concept of L.G. von Jacob, reveals the structure of the essay, consisting of four interconnected parts: 1) Elementary teaching of logic, 2) Logical teaching of the method, 3) Dialectics or criticism of the true, and 4) Critical principles of universal metaphysics. It is shown that L.G. von Jacob in this fundamental work developed the concept that in the science of logic it is necessary to use symbols and formulas of mathematics, which in this logic will be signs denoting the meanings of concepts. Therefore, the logic of Jacob's thought must be reduced to mathematics in order to approach accuracy and order. L.G. von Jacob defined the purpose of his work as a plan to make an introduction to the scientific study of philosophy. To do this, it is necessary to study the laws by which one thinks reason, and the conditions under which he must adapt in order to think correctly with them. Jacob developed in his logic the doctrine of sority, about hypothetical judgments. Jacob was an interlocutor of Kant. It is proved that L.G. von Jacob, being on the one hand a student and follower of Kant, and therefore the successor of criticism in philosophy, on the other hand, he tried to build an independent logic, which in his thought would include metaphysics. Therefore, it is shown that his work on logic included both the logical doctrine itself and parts of the critical analysis of the "practical mind", as well as criticism of the cognitive ability of the mind. It is shown that according to Jacob's plan, everything was crowned with critically developed metaphysics. The concept of logical sorite, the construction of hypothetical reasoning is in the logical doctrine of L. G. von Jacob a tool for the study and creation of meanings. For about 10 years, L.G. von Jacob lived and worked in Russia from 1807 to 1816.

Гегель об абсолютной религии как результате исторического развития религиозного духа¹⁶

Гегель (в отличие от Канта, Фихте и Шеллинга, разработавших свои варианты идеализма, который страдал у них, хотя и в разной мере, до конца не излечимым аисторизмом, т. е. неспособностью отдать должное процессам исторического развития) постиг христианство как определенный результат исторического развития религии. Логика этого процесса совпадает с логикой мировой истории человечества, отчего сама религия исторически развивается, согласно Гегелю, по ступеням особенных народных культур во всеобщую, или абсолютную религию. Поэтому во второй части своих лекций по философии религии он по ходу изложения содержания фиксирует феноменологические и логические моменты развития религии как *определенной религии*, выступающей сначала как *религия природы*, а затем как *религия свободы, или духовной индивидуальности* (большинство из формаций такой, по существу, дохристианской религии до сих пор исповедуют различные народы мира). Философ рассматривает формации определенной религии исторически, т. е. одну за другой, усматривая в них необходимые предпосылки появления христианства, знаменующего собой новую эру истории мировой культуры. Поэтому в докладе, прежде всего, путем их обзора вслед за Гегелем выявляется *феноменологическая канва*, соединяющая друг с другом различные ступени исторического процесса развития религиозного духа. Эта канва связывает нити развивающегося духовного содержания узлами различных форм — чувства, сознания, самосознания, созерцания, воображения, представления, рассудка и разума. Вместе с тем обнаружится скрытое под этой канвой *логическое основание* исторического развития религии. Им в абсолютном идеализме Гегеля выступает понятие понятия, или абсолютная идея в ее чисто логических определениях (таких, например, как чистое ничто, наличное бытие, конечность, или реальность, бесконечность, мера, в-себе-бытие, для-себя-бытие, тождество, различие, противоположность, основание, сущность, существование, явление, часть и целое, форма и содержание, возможность, действительность, субстанция, необходимость, свобода, всеобщее, особенное, единичное, субъект, объект и цель). Именно на логическом основании и в необходимой феноменологической связи со всеми предшествующими ему историческими формами религии возникла историческая форма христианства. Философски понятое содержание этой формы Гегель характеризует как абсолютную религию, или религию истины и свободы.

Hegel on absolute religion as a result of the historical development of the religious spirit

Hegel (in contrast to Kant, Fichte and Schelling, who developed their own versions of idealism, which suffered from them, although to varying degrees, not completely curable ahistorism, i.e. inability to pay tribute to the processes of historical development) comprehended Christianity as a definite result of the historical development of religion. The logic of this process coincides with the logic of the world history of mankind, which is why religion itself historically develops, according to Hegel, along the steps of special folk cultures into a universal or absolute religion. Therefore, in the second part of his lectures on the philosophy of religion, in the course of presenting the content, he fixes the phenomenological and logical moments of the development of religion as a certain religion, acting first as a religion of nature, and then as a religion of freedom, or spiritual individuality (most of the formations of such, in essence, pre-Christian religion are still professed by various peoples of the world). The philosopher considers the formations of a certain religion historically, i.e. one after another, seeing in them the necessary prerequisites for the emergence of Christianity, which marks a new era in the history of world culture. Therefore, in the report, first of all, by reviewing them, following Hegel, the phenomenological canvas is revealed, connecting with each other the various stages of the historical process of the development of the religious spirit. This canvas connects the threads of the developing spiritual content with knots of various forms — feelings, consciousness, self-awareness, contemplation, imagination, representation, reason and intellect. At the same time, the logical basis of the historical development of religion hidden under this canvas will be revealed. In Hegel's absolute idealism, it is the concept of a concept,

¹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00746 «Философия и теология в немецком классическом идеализме: история взаимодействия и взаимопроникновения» / The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00746 "A Philosophy and theology in German classical idealism: a history of interaction and interpenetration".

or an absolute idea in its purely logical definitions (such, for example, as pure nothingness, present being, finiteness, or reality, infinity, measure, in-itself-being, for-itself-being, identity, difference, opposite, basis, essence, existence, phenomenon, part and whole, form and content, possibility, reality, substance, necessity, freedom, universal, special, singular, subject, object and goal). It was on a logical basis and in the necessary phenomenological connection with all the historical forms of religion that preceded it that the historical form of Christianity arose. Hegel characterizes the philosophically understood content of this form as an absolute religion, or the religion of truth and freedom.

Тимофеев Александр Иванович / Aleksander I. Timofeev

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор филос. наук / St. Petersburg State University of Film and Television, St. Petersburg, Russia, Professor, DSc in Philosophy

Г. Гегель и А.Н. Бердяев: две концепции духа

Концепт духа имел для обеих мыслителей основополагающее значение. Оба посвятили его анализу специальные работы. У Гегеля — это «Феноменология духа» и «Философия духа». Бердяевым были написаны работы «Философия свободного духа», «Дух и реальность».

Сходство работ этих во многом противоположных мыслителей в подходе к истолкованию духа состоит в том, что они исследуют проблему отношения духа и реальности как исходную. Бердяев выносит эту тему уже в название одной из своих книг. Гегель же определяет дух прежде всего как знающую себя идею, но сама идея есть у него отношение понятия и реальности, где формы знания как раз и выражают формы этого отношения.

Категория реальности истолковывается ими по-разному: Гегель выделяет объективный момент, а Бердяев, напротив, субъективный, ценностный и интерпретирует реальность как свободу.

Отталкиваясь от общего анализа духа и рассмотрения его генезиса оба мыслитель стремятся выделить особенности современного им периода духовности и дать некоторый прогноз будущего состояния духа. Для Гегеля в срезе субъективного духа — это концепция духовного животного царства, а в срезе объективного духа — это дух, обладающий достоверностью себя самого. Бердяев же связывает специфику современного этапа духовности с господством техники, с отношением человека и машины и определяет его по преимуществу как период творчества.

G. Hegel and A.N. Berdyaev: two concepts of the spirit

The concept of spirit was of fundamental importance for both thinkers. Both devoted special works to his analysis. In Hegel, these are the “Phenomenology of the Spirit” and the “Philosophy of the Spirit”. Berdyaev wrote the works “Philosophy of the Free Spirit”, “Spirit and Reality”.

The similarity of the works of these largely opposite thinkers in their approach to the interpretation of the spirit is that they explore the problem of the relationship of spirit and reality as an initial one. Berdyaev puts this topic already in the title of one of his books. Hegel defines spirit primarily as an idea that knows itself, but the idea itself is a relation of concept and reality, where the forms of knowledge express the forms of this relationship.

The category of reality is interpreted by them in different ways: Hegel identifies an objective moment, while Berdyaev, on the contrary, is subjective, valuable and interprets reality as freedom.

Starting from the general analysis of the spirit and consideration of its genesis, both thinkers strive to highlight the features of the contemporary period of spirituality and give some forecast of the future state of spirit. For Hegel, in the context of the subjective spirit, it is the concept of the spiritual animal kingdom, and in the context of the objective spirit, it is a spirit that has the authenticity of itself. Berdyaev, on the other hand, connects the specifics of the modern stage of spirituality with the dominance of technology, with the relationship between man and machine, and defines it primarily as a period of creativity.

Ляшко Илья Анатольевич / Ilya A. Lyashko

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, преподаватель, канд. филос. наук / Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia, Lecturer, CSc in Philosophy

Различие понятия и представления в философском наследии Э.В. Ильенкова и Г.В.Ф. Гегеля

Существенное различие между понятием и представлением впервые было раскрыто Г.В.Ф. Гегелем. Игнорируя это различие, современная философская наука не может двигаться вперед. Русская мысль XX века в лице ключевых представителей диалектического материализма не только создала эту проблематику, но и пыталась творчески развивать её. Здесь одна из ключевых фигур — Э.В. Ильенков. Философ связывает представление с практической деятельностью, а понятие — с научной. Показывая их диалектическое единство, он избегает абстрактного противопоставления.

В докладе раскрываются принципиальные аспекты различия этих форм в связи с наукой логики Гегеля и с логическими изысканиями Ильенкова, сопоставляются подходы обоих философов. Делается вывод о влиянии принципов абсолютного идеализма и диалектического материализма на решение этого вопроса. Цель доклада — актуализировать вопрос о методе философии в его отличии и связи с эмпирическими способами познания.

The Difference between Notion and Representation in philosophical heritage of G.W.F. Hegel and E.V. Ilyenkov

For the first time the essential difference between the notion and the representation was discovered by G.W.F. Hegel. If philosophy ignores this difference, it will not be able to take steps forward. Russian philosophy of XX century, represented by main thinkers of dialectical materialism, was aware of this problem and developing it originally. E.V. Ilyenkov is one of the main figures in this topic. He attributes the representation to the practical activities and the notion — to the scientific activities.

Some fundamental aspects of the difference between these forms related to Hegel's Science of Logic and Ilyenkov's studies of the logic are shown in the report. It's concluded how absolute idealism and dialectical materialism determine the solution of this problem. The purpose of the report is to update theme of the method of philosophy in its difference and connection with empirical way of cognition.

Данилкина Наталья Валерьевна / Natalia V. Danilkina

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, аспирант / Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Postgraduate

К теории сообществ: Жак Маритен и Георгий Гурвич как философы интеграции¹⁷

Антъе Винер и Томас Диез (Wiener A., Diez T. *European Integration Theory*. New York: Oxford University Press, 2004) выделяют три этапа в развитии теории европейской интеграции в 20 веке. На первом этапе, начиная с 1960-х гг., объяснялась сущность интеграции. Затем, начиная с 1980-х годов, были тщательно изучены возможности общеевропейского управления. Наконец, с начала 1990-х гг. стал широко обсуждаться непосредственно процесс строительства Европейского союза. На наш взгляд, в эту периодизацию следует включить более ранний период 1930–1940-х годов, когда формировался определенный философский дискурс. В этом докладе я обращусь к интеллектуальному наследию двух философов интеграции — Жака Маритена и Жоржа Гурвича, частично реконструируя их концептуальный диалог.

Маритэн широко известен своим проектом «интегрального гуманизма» (Maritain J. *Humanisme intégral: problèmes temporels et spirituels d'une nouvelle chrétienté*. Paris: F. Aubier, 1936), который предполагал духовное преобразование европейской цивилизации через преодоление отрыва человека от

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы» / The reported study was funded by RFBR, project number 20-05-00369 "Transformation of the Ethnocultural Space of Post-Soviet States: Factors, Trends, Prospects".

трансцендентных начал жизни. Гурвич отстаивал идею социального права как права на интеграцию. Он указывал на необходимость создания правовых механизмов, которые будут учитывать плюрализм ценностей и интересов в современном обществе. «Декларация социальных прав» Гурвича (Gurvitch. G. *La déclaration des droits sociaux*. New York: Éditions de la Maison Française, Inc., 1944), предлагающая такие механизмы, была опубликована в середине 1940-х годов в коллекции «Цивилизация», издательского дома “Éditions de la Maison française” под руководством Маритэна. Последний опирался на ряд понятий Гурвича в своих философско-правовых рассуждениях, однако наш доклад будет сфокусирован на ключевых различиях во взглядах мыслителей в рамках заявленной тематики.

Towards a Theory of Communities: Jacques Maritain and Georges Gurvitch as Philosophers of Integration

Antje Wiener and Thomas Diez (Wiener A., Diez T. *European Integration Theory*. New York: Oxford University Press, 2004) distinguish three stages in the development of the theory of European integration in the 20th century. At the first stage, starting from the 1960s, integration was generally explained. Then, starting from the 1980s, the possibilities of common European governance were scrutinised. Finally, in the 1990s, the process of the construction of the European Union was discussed. In our opinion, this periodisation should include an earlier period of the 1930s–1940s, when certain philosophical discourse was formed. In this talk, I will address the intellectual heritage of two philosophers of integration — Jacques Maritain and Georges Gurvitch, partially reconstructing their conceptual dialogue.

Maritain is widely known for his project of “integral humanism” (Maritain J. *Humanisme intégral: problèmes temporels et spirituels d'une nouvelle chrétienté*. Paris: F. Aubier, 1936), which assumed the spiritual transformation of European civilisation through overcoming the separation of human being from the transcendent foundations of human life. Gurvitch defended the idea of social law as a right to integration, pointing out the need to create legal techniques that would take into account the pluralism of values and interests in modern society. His “Declaration of Social Rights” (Gurvitch. G. *La déclaration des droits sociaux*. New York: Éditions de la Maison Française, Inc., 1944), proposing such techniques, appeared in the mid-1940s in the “Civilisation” collection, published by “Éditions de la Maison française” under the direction of Jacques Maritain. The latter drew on a few concepts of Gurvitch in his works. However, my talk will focus on the key differences in the views of the thinkers within the stated topic.

Маковецкий Евгений Анатольевич / Eugene A. Makovetsky

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор философских наук / Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, Professor, Doctor of Philosophy

Кузин Иван Владиленович / Ivan V. Kuzin

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доцент, доктор философских наук / Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, Associate professor, Doctor of Philosophy

Соколов Евгений Георгиевич / Eugene G. Sokolov

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, профессор, доктор философских наук / Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, Professor, Doctor of Philosophy

Мимесис и фантазия в основании искусства¹⁸

Доклад представляет собой попытку описать теоретическую область столкновения мимесиса и фантазии. Если для Античности и Ренессанса приоритет мимесиса в качестве основания искусства был несомненен,

¹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00865 / The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00865.

то уже романтические теории искусства могли отдавать приоритет фантазии, в позитивистских концепциях XIX века мы тоже можем обнаружить это предпочтение фантазии. Актуальность этого «спора» стала мотивом для ряда исследований, например, Г.-Г. Гадамера, отдававшего предпочтение мимесису.

При всей концептуальной дифференцированности мимесиса и фантазии, имевшей место в античных теориях искусства, подражание и воображение не могли быть противопоставлены друг-другу. Теория мимесиса исчерпывающе описывала как границу, разделяющую естественное и искусственное, так и саму область искусственного. Эта теория вполне убедительно объясняла возможность творчества, исходя из власти подражания раскрывать природу вещей в процессе создания копий. Из этого мы делаем вывод, что сама постановка вопроса о приоритете мимесиса или фантазии в качестве движущей силы искусства является нерелевантной для античного представления о подражании.

Для описания проблемного поля генезиса искусства мы обращаемся к работам Филострата Старшего, Филострата Младшего, Г. Тарда.

Mimesis and Fantasy in the Basis of Art

This report is the attempt to describe the theoretical field of collision between mimesis and imagination. If for the Antiquity and the Renaissance the mimesis priority as the basis of art was undoubted, already romantic theories of art could give priority to an imagination. In positivist concepts of the beginning of the 20th century we can find this preference of imagination too. The relevance of this "dispute" became a reason for a number of researches (for example, Hans-Georg Gadamer gave preference to mimesis).